

18+

Леонид Ямутин
Мой маленький рыцарь

Леонид Ямутин

Мой маленький рыцарь

«Издательские решения»

Ямутин Л.

Мой маленький рыцарь / Л. Ямутин — «Издательские решения»,

«Мой маленький рыцарь» — сказочная исповедь взрослого человека, который понимает: всю жизнь он сражался не с миром, а со своей болью. Внутри него живут мальчик со светом, дракон и путь к себе. Это книга о семье, обиде, прощении и принятии неидеального мира, где быть главным героем своей жизни — уже достаточно. Книга содержит нецензурную брань.

© Ямутин Л.

© Издательские решения

Содержание

Мой маленький рыцарь	6
Солнечный меч	9
Щит с трещиной	13
Доспехи	17
Я не такой, как они	20
Город насекомых	24
Плохие парни	28
Часть 2	32
Часть 3	38
Королевство обезьян и павлинов	43
Базар тщеславия	49
Часть 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мой маленький рыцарь

Леонид Ямутин

© Леонид Ямутин, 2026

ISBN 978-5-0070-9045-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой маленький рыцарь

Солнечный мальчик

Главная роль

Я плохо помню, что тогда было точно. Память вообще странная вещь: она редко оставляет событие целиком — со всеми деталями, запахами, лицами, цветом стен и точным порядком слов. Чаще она сохраняет несколько ярких осколков, по которым потом приходится восстанавливать целую жизнь. Иногда один такой осколок оказывается важнее десятка полностью сохраненных дней.

Я не помню, какая это была сценка. Не помню, к какому празднику мы ее готовили, кто сидел за первой партой, кто шумел на задних рядах и как падал свет из окон на школьные парты. Но помню нашу классную руководительницу: она стояла перед классом и держала в руках листок бумаги. Обычный школьный момент, который тогда, конечно, никому не казался судьбоносным. Учительница просто зачитывала роли и ждала, кто из нас поднимет руку.

Роли распределялись постепенно. Один ребенок соглашался быть кем-то маленьким и почти незаметным, другой брал роль с парой слов, кто-то ждал, пока останется что-нибудь попроще, чтобы не нужно было много учить и сильно волноваться. Все происходило так, как обычно происходит в первом классе: кто-то тянул руку уверенно, кто-то стеснялся, кто-то смотрел на других и выбирал не роль, а степень собственной безопасности.

И вот дошла очередь до главной роли.

Я не помню, была ли пауза. Не помню, посмотрел ли кто-то на меня. Не помню даже, успел ли я подумать. Но помню, как поднял руку. Поднял так высоко, будто хотел достать потолок, будто вся моя маленькая жизнь в этот момент тянулась вверх вместе с этой рукой. У меня задралась футболка, оголился живот, но я этого не заметил. Я крикнул:

«Я!»

Сейчас, когда я смотрю на этот момент из своих тридцати пяти лет, мне кажется, что тогда произошло больше, чем простое распределение ролей. Маленький мальчик не просто захотел сыграть главного героя. Он впервые, может быть даже сам того не понимая, выбрал себя. Не спрятался за чужими спинами, не стал ждать, пока его позовут, не решил, что есть кто-то лучше, смелее, громче, достойнее. Он просто поднял руку и сказал миру свое первое большое «я».

Простое, детское, почти смешное «я» — с оголенным животом и, наверное, горящими глазами. Но в нем было столько жизни, столько доверия к себе, столько естественного права быть первым, что сейчас мне хочется остановиться рядом с тем мальчиком, положить ему руку на плечо и сказать: спасибо тебе.

Тогда мне казалось, что взять главную роль — это очень круто. В детской голове главная роль сразу означает сцену, внимание, гордость, ощущение, что ты особенный. Ребенок еще не понимает, что за правом быть в центре почти всегда стоит обязанность удержать этот центр. Если ты поднял руку, потом нужно не только радоваться выбранной роли, но и работать: учить текст, приходить подготовленным, не подвести учителя, класс, родителей и самого себя.

Когда мне дали распечатки, я впервые столкнулся с другой стороной собственного решения. Главная роль оказалась не только красивым словом. Она оказалась тяжестью, которую нужно было понести.

Я помню, как учил этот текст. Не идеально, не во всех подробностях, но помню само ощущение вечеров, когда дома приходилось снова и снова возвращаться к словам на бумаге. Читать, повторять, ошибаться, начинать сначала, путаться и снова возвращаться. Для малень-

кого ребенка текст главной роли кажется почти бесконечным. Он измеряется не страницами, а усилием.

Это усилие тогда было для меня чем-то новым. Я уже не просто хотел быть главным. Я должен был доказать себе, что могу выдержать то, что сам выбрал. В этом, наверное, и заключается первый настоящий урок ответственности: сначала ты громко говоришь «я», а потом остаешься один на один со всем, что это «я» за собой повлекло.

Конечно, тогда я не думал словами «ответственность», «дисциплина», «исполнительность». Ребенок вообще редко думает такими словами. Он просто делает то, что нужно сделать, если внутри у него есть желание и если рядом есть взрослые, которые помогают не бросить начатое. Но сейчас я понимаю: именно тогда во мне начал формироваться один из главных навыков будущей жизни.

Не исполнительность как слепое подчинение чужой воле, а другая, более важная: способность взять на себя задачу и довести ее до конца. Сказать, что сделаешь, и сделать. Выбрать роль и выучить текст. Поднять руку и потом не опустить ее внутри себя, когда станет сложно.

Но самым главным было даже не это. Самым главным был прецедент. Живой внутренний пример, к которому можно возвращаться спустя годы. Прецедент, где я сам для себя был первым. Не потому, что меня назначили. Не потому, что вытолкнули вперед. Не потому, что не осталось других желающих. А потому, что я сам захотел, сам выбрал, сам проявился.

Человек часто забывает, что когда-то уже был смелым. Что когда-то уже умел не сомневаться в своем праве на главную роль. Что когда-то внутри него не было бесконечного совещания страхов, голосов, сравнений и оправданий. Было простое движение руки вверх и громкое «я».

Я помню, что мы выступили. И, конечно же, заняли первое место. Сейчас это «конечно же» звучит наивно, но в нем есть правда того времени. Тогда все казалось естественным: если ты взял главную роль, выучил текст, вышел и сделал, значит, должно получиться. И получилось.

Потом нас пригласили выступать для родителей на предприятии. Потом, насколько я помню, мы поехали представлять наш городской филиал на каком-то региональном конкурсе талантов. Детали стерлись. Названия, лица, дорога, зал, аплодисменты остались где-то далеко — как старые фотографии, которые лежат в коробке и немного выцвели. Но сама цепочка событий сохранилась очень ясно: рука, роль, текст, выступление, победа, новое приглашение, еще одна сцена.

И сейчас я вижу в этом коротком пути закономерность. Жизнь иногда действительно подхватывает человека, когда он занимается своим делом. Не тогда, когда он пытается всем понравиться. Не тогда, когда ждет идеального момента. Не тогда, когда бесконечно готовится начать жить. А тогда, когда делает то, что почувствовал своим сердцем.

Маленький мальчик поднял руку и крикнул «я». Взял главную роль. Выучил огромный для себя текст. Вышел. Сыграл. И все получилось. А дальше жизнь будто сказала: хорошо, раз ты готов проявляться, вот тебе еще сцена. И еще. И еще.

В этом нет магии в привычном смысле. Никто не пришел с волшебной палочкой и не сделал за меня мою работу. Наоборот, все началось именно с работы: с текста, который нужно было учить, с волнения, которое нужно было выдержать, с ответственности, которую нужно было нести. Но, наверное, жизнь и правда благодарит не за мечты сами по себе, а за движение в сторону этих мечт. За то, что ты не только хочешь, но и делаешь. Не только представляешь себя на сцене, но и готовишься к ней. Не только говоришь «я хочу», но подтверждаешь это действием.

Сегодня, в свои тридцать пять лет, я как никогда нуждаюсь в этом опыте. Кажется, взрослый человек должен учиться у взрослых: у умных книг, наставников, успешных людей, у тех, кто уже прошел большой путь. Но иногда самый важный учитель живет внутри тебя самого.

Маленький мальчик из прошлого, который не знал большинства слов, которыми ты теперь объясняешь свою жизнь, вдруг оказывается мудрее тебя сегодняшнего.

Он не рассуждал о предназначении, не строил сложных стратегий, не пытался заранее просчитать все риски. Он просто почувствовал, что хочет главную роль, поднял руку и взял ее.

Благодаря тому, что я снова открыл это воспоминание, я твердо понимаю, что мне нужно делать дальше: брать ответственность, исполнять, проявляться. Не ждать, пока меня выберут. Не ждать, пока кто-то даст разрешение. Не ждать, пока исчезнет страх или появится полная уверенность. Возможно, уверенность и не приходит до действия. Возможно, она рождается уже после того, как ты поднял руку. После того, как взял текст. После того, как несколько вечеров подряд возвращался к нему, ошибался, учил, уставал, но продолжал.

Мы слишком часто предаем своего внутреннего ребенка не тем, что забываем его боль, а тем, что забываем его силу. Мы много говорим о том, что ребенка внутри нужно пожалеть, обнять, защитить. И это правда. Но в нем есть не только раны. В нем есть смелость, которую взрослый человек потом зачем-то теряет. Есть способность радоваться, не требуя доказательств. Есть умение выбирать сердцем. Есть дерзкое право сказать «я», даже если у тебя задралась футболка и весь класс смотрит. Есть счастье быть живым и проявляться без бесконечного страха быть оцененным.

Удивительно, как нас учит наш внутренний ребенок. Как он своим примером показывает, что гармония с собой не всегда находится где-то далеко — в результате долгих поисков, практик и размышлений. Иногда она уже была с нами. В тот момент, когда мы тянули руку выше всех. В тот момент, когда брали на себя больше, чем казалось возможным. В тот момент, когда радовались не потому, что нам гарантировали победу, а потому что мы сами выбрали участвовать.

Может быть, взрослая жизнь — это не только движение вперед. Может быть, иногда это еще и возвращение назад. Не для того, чтобы жить прошлым, а для того, чтобы забрать оттуда то, что когда-то было настоящим: смелость, ответственность, исполнительность, радость, умение быть первым для самого себя, умение не спорить со своим желанием проявиться, умение сказать жизни: «Я здесь. Я готов. Давай попробуем».

И если сегодня мне снова страшно, если я снова стою перед каким-то новым классом — только уже не школьным, а жизненным, — если передо мной снова зачитывают роли и где-то внутри я чувствую, что сейчас очередь главной, я хочу помнить того мальчика. Маленького, смелого, с поднятой рукой и оголившимся животом.

Он не знал, что однажды станет моим учителем. Не знал, что через много лет я буду благодарить его за этот жест. Но он сделал главное. Он показал мне, что путь иногда начинается очень просто.

С поднятой руки.

С одного громкого «я».

С готовности взять главную роль в собственной жизни.

Солнечный меч

Мальчик был солнечным. Конечно, тогда никто не называл его так, да и сам он не смог бы объяснить, что именно делает человека солнечным. Дети редко умеют называть то, чем являются. Они просто живут: входят в комнату, во двор, в летний день, в чужую усталость — и своим присутствием будто прибавляют миру немного света.

Он не был тихим ангелом, послушным и удобным. Не ходил по дому на цыпочках, не складывал вещи аккуратными стопками. Мог шуметь, спорить, бегать до красного лица, забывать, что его звали домой, возвращаться с ободранными коленками, испачканными штанами и таким видом, будто он не просто гулял во дворе, а участвовал в битве за далекое королевство.

Но во всем этом была открытая, горячая жизнь. Мир для него еще не раскололся на своих и чужих, сильных и слабых, достойных и недостойных, победителей и тех, над кем можно смеяться. Он смотрел на все как на одно большое живое пространство, где человек, жук, дерево, лужа после дождя, солнце на стене дома и мальчишка из соседнего двора имеют одинаковое право быть замеченными.

Во дворе, где он рос, почти у каждого был свой меч. Настоящие мечи существовали только в сказках, мультиках и книжках, поэтому их заменяли палки, найденные возле гаражей, под деревьями, в кустах, за сараями. Там, где взрослые видели мусор, дети находили оружие, посохи, ружья, копья, волшебные жезлы и доказательства собственной власти над миром.

Одна палка могла быть огненным мечом великого воина, другая — железным клинком непобедимого героя, третья — оружием с особой силой, о которой хозяин рассказывал с серьезностью взрослого человека, будто только вчера вернулся из древней битвы и теперь передавал друзьям военную тайну. Чем опаснее звучало название, тем больше уважения оно вызывало у остальных мальчишек. Меч должен был жечь, рубить, ломать, побеждать, уничтожать врагов. В этом будто заключалась сама его суть.

Мальчик слушал эти разговоры и чувствовал странное внутреннее сопротивление. Не потому, что был против друзей. Не потому, что хотел выделиться и придумать что-то непохожее. Ему просто никак не удавалось понять, почему сила обязательно должна быть связана с разрушением. Почему меч непременно существует против кого-то, а не ради чего-то. Почему, если у тебя в руках оружие, нужно искать врага.

Ему нравилось смотреть, как солнце пробивается сквозь листья, как после дождя от нагретого асфальта поднимается легкий пар, как вечерний свет ложится на стены домов и делает даже старые подъезды почти золотыми. Ему казалось, что свет — это тоже сила. Только другая. Не та, что ломает, а та, что показывает, где спрятана жизнь.

Однажды возле старого орешника он нашел подходящую ветку. Она легла в руку сразу правильно, будто давно ждала именно его. Не слишком тяжелая, не слишком тонкая, с небольшим изгибом, удобная для замаха, но почему-то совсем не страшная.

Мальчик покрутил ее в руках, поднял к солнцу, и название пришло само собой — без придумывания, без усилия, как приходят самые верные детские слова.

Он назвал его солнечным мечом.

Друзья особенно не удивились. Кто-то пожал плечами, кто-то сказал, что звучит нормально, кто-то уже звал играть дальше. Во дворе детские откровения живут недолго: если ты нашел меч, значит, теперь нужно бежать.

И мальчик побежал.

Но где-то внутри него это название осталось не просто названием палки. Солнечный меч был не для того, чтобы всех рубить. Он был для того, чтобы защищать свет. Тогда мальчик еще не знал, что именно это значит. Он просто чувствовал: если у него есть меч, он не должен служить злости, превосходству, желанию доказать, что ты сильнее других. Он должен быть про-

должением того, что мальчик любил в мире: тепла, движения, ясности, странной уверенности, что все живое можно понять, если достаточно внимательно смотреть.

Именно поэтому он не понимал разговоров о соседнем дворе. Там жили такие же мальчишки. Они так же играли в мяч, так же лазали по деревьям, так же приходили домой с разбитыми коленками, пыльными волосами, испачканными штанами и голосами, сорванными от крика. Но почему-то считались чужими.

Эта чуждость не была написана на заборе, не проходила красной линией по асфальту, не имела формы, но все вокруг ее чувствовали. Одни дворовые мальчишки знали, что туда лучше не ходить. Другие знали, что с теми лучше не дружить. Кто-то говорил: они не наши. Кто-то говорил: с ними надо аккуратнее. Кто-то говорил: если что — бить первыми.

А мальчик слушал и не понимал, откуда взрослые и дети берут эти невидимые границы, если солнце светит на оба двора одинаково.

Ему казалось очевидным: чем больше ребят участвует в игре, тем интереснее игра. Чем больше людей собирается вечером играть в двенадцать палочек, догонялки, футбол или какую-нибудь новую, только что придуманную войну, тем больше шума, смеха, споров и жизни.

Он не умел заранее считать человека врагом только потому, что тот вышел из другого подъезда или жил за соседними гаражами. Он не спорил вслух: дети очень рано начинают понимать, что если все вокруг знают какое-то правило, а ты один его не понимаешь, возможно, лучше молчать.

Наверное, они знают что-то важное, думал он. Наверное, со временем и я пойму.

Но солнечный меч в его руке будто становился чуть тяжелее каждый раз, когда мир пытались поделить на своих и чужих.

В один из таких дней он шел через двор со своим мечом. День был теплым, почти прозрачным. Воздух пах нагретой листвой, пылью, сухой землей у подъездов и чем-то летним, что невозможно назвать, но потом можно всю жизнь узнавать по внезапному щелчку внутри.

Березы возле дома лениво покачивались от легкого ветра. Листья дрожали, дробя солнце на маленькие золотые пятна. Мальчик размахивал палкой и представлял себе приключения — не такие, где нужно обязательно кого-то победить, а такие, где он идет далеко, находит потерянное, спасает заблудившееся, открывает скрытое.

Он случайно задел ветку, и с дерева что-то сорвалось вниз.

На асфальт упал майский жук.

Мальчик сразу присел рядом. Жук несколько секунд лежал неподвижно, как маленький темный камень, потом медленно перевернулся и пополз. Двигался неуверенно, будто не совсем понимал, где находится и что с ним произошло.

Мир вокруг мальчика мгновенно сузился. Исчезли голоса друзей, крики во дворе, футбол, разговоры о своих и чужих. Даже солнечный меч на время перестал быть главным. Остался только жук: маленькие лапки, блестящая спинка, тяжелое тело, растерянное движение по большому горячему асфальту.

Мальчик смотрел на него и вдруг подумал: а он помнит, что умеет летать?

Мысль показалась такой интересной, что он улыбнулся. Жук продолжал ползти — медленно, серьезно, почти упрямо.

А что, если он забыл? Что, если падение так сильно его оглушило, что он больше не помнит о крыльях? Может ли живое существо забыть то, что умеет по-настоящему? Может ли оно настолько поверить в землю под собой, что не заметит воздух над собой?

Мальчик никогда раньше не думал об этом, но теперь уже не мог остановиться. Он смотрел на жука и пытался представить его жизнь — такую маленькую и одновременно огромную, если смотреть достаточно внимательно.

Интересно, а как вообще жуки поняли, что умеют летать? Был ли когда-то самый первый жук, который перестал ползать и поднялся в воздух?

Может быть, он сидел на листе много миллионов лет назад и тоже не знал, что у него есть крылья. Может быть, вокруг были другие жуки и говорили ему: «Жуки должны ползать. Так было всегда. Не выдумывай. Крылья — это просто лишние штуки на спине. Они не для неба».

Может быть, первый жук сам боялся попробовать, потому что листья, земля, ствол дерева — все это было понятно, а воздух был слишком большим и пустым.

А потом он однажды пошевелил крыльями. Случайно или от отчаяния. От радости или после падения.

И поднялся.

Чем больше мальчик думал об этом, тем сильнее ему нравилась история про первого жука. В ней было что-то важное. Не про жуков даже, а вообще про все живое.

Если когда-то появился первый жук, который открыл полет, значит, наверное, все вокруг когда-то придумал кто-то первый. Кто-то первым испек хлеб. Кто-то первым нарисовал рисунок на стене. Кто-то первым построил дом. Кто-то первым посадил дерево возле дороги. Кто-то первым придумал игру в мяч. Кто-то первым сказал другому человеку: не бойся, я рядом.

И если все важное когда-то сделал кто-то первый, значит, и в нем самом, в мальчике с солнечным мечом, тоже может быть что-то еще не открытое.

Он посмотрел на жука и почувствовал странное волнение.

А что могу придумать я? Не сейчас, конечно. Когда-нибудь. Что такого могу сделать я, чтобы этим потом могли пользоваться мама, брат или сестра? Чтобы им стало легче. Или интереснее. Или радостнее. Чтобы мама меньше уставала. Чтобы брату было из чего строить свои удивительные механизмы. Чтобы сестра улыбалась. Чтобы в их доме, в их королевстве, стало больше света.

Вопрос был слишком большим для ребенка его возраста, но именно поэтому и поселился внутри надолго. Иногда самые большие вопросы приходят слишком рано, и человек потом всю жизнь не понимает, что уже давно живет в попытке на них ответить.

В этот момент жук остановился. Постоял неподвижно, словно тоже о чем-то размышлял. Потом расправил прозрачные крылья. Они появились почти неожиданно, будто до этого их не было, будто жук действительно вспомнил себя только сейчас.

Он взлетел тяжело, шумно, неуклюже — совсем не как птица, не красиво и не легко, но взлетел. Мальчик проводил его взглядом до самой березы и еще долго смотрел туда, где жук исчез среди листьев.

Почему-то ему казалось, что жук не просто полетел. Ему казалось, что он что-то вспомнил. Что-то очень важное. Что-то, что все это время было внутри него, даже когда он лежал на асфальте после падения и полз так, будто никакого неба не существует.

Мальчик тогда еще не знал, что люди устроены почти так же. Что иногда они годами ползают по земле, забыв о собственных крыльях. Что иногда им нужно упасть, потеряться, разбиться о правду или остановиться посреди дороги, чтобы снова вспомнить, кто они такие.

Он не знал, что однажды сам окажется таким жуком: оглушенным падением, потерявшим прежний воздух, ползущим по горячему асфальту взрослой жизни и не сразу понимающим, что крылья никуда не делись. Он не знал, что его солнечный меч когда-нибудь будет лежать в углу рядом с треснувшим щитом, а он сам наденет доспехи, чтобы больше не чувствовать так больно.

Он не знал, что свет можно не только нести, но и потерять из виду. И тем более не знал, что возвращение к свету начнется не с победы над врагами, а с необходимости вспомнить самого себя.

Пока он знал только одно: мир живой. В нем есть жуки, которые умеют летать, даже если только что упали. Есть мальчишки из соседнего двора, которые, наверное, тоже хотят играть, а не быть чужими. Есть мама, брат и сестра, для которых однажды можно придумать что-то хорошее. Есть солнце, которое светит на всех одинаково.

И есть меч, который почему-то не хочется называть огненным, железным или смертельным. Потому что его сила не в том, чтобы разрушать.

Его сила — в том, чтобы освещать.

Вечером мальчик вернулся домой со своим солнечным мечом. Он вошел в обычную квартиру на четвертом этаже, но для него это был не просто дом.

Это был замок.

Пусть без башен, без каменных стен и без настоящих флагов. Зато с королевой, которая умела накормить всех даже тогда, когда в холодильнике, казалось, ничего нет. С великим ученым, который собирал механизмы и говорил о звездах так, будто они лежат у него в кармане. С прекрасной принцессой, самой красивой во всем мире, потому что так считал он. И с королем, которого не было, но чье отсутствие заполняло воображение такой большой легендой, что мальчик почти видел его рядом.

Отец в этой легенде был великим рыцарем, ушедшим в поход против драконов. Так было правильно. Так было красиво. Так объяснялось все.

Мальчик поставил солнечный меч у стены и почувствовал, что теперь у него есть не просто палка. У него есть оружие для защиты этого мира. Не от соседнего двора, не от мальчишек, не от жуков и не от обычной дворовой жизни.

От темноты, которая, как ему тогда казалось, всегда приходит снаружи.

Он еще не понимал, что самая страшная темнота иногда приходит не как враг, а как правда. Не нападает, не рычит, не требует битвы. Просто входит ночью через балкон, садится посреди комнаты и показывает тебе то, что ты больше не можешь развидеть.

И солнечный меч, каким бы светлым он ни был, не сможет разрубить эту правду.

Потому что правда не враг.

Она не приходит уничтожить королевство. Она приходит снять с него волшебную ткань, под которой слишком долго пряталась боль. Она приходит показать, что любовь не живет в красивых легендах, если в этих легендах нет живых людей. Она приходит туда, где мальчик слишком искренне поверил в свой замок, своего короля, свой щит, свое объяснение мира.

И именно поэтому солнечный меч был важен. Он не должен был победить дракона. Он должен был остаться в комнате как напоминание о том, каким мальчик был до трещины.

Светлым.

Цельным.

Верящим, что каждый упавший жук может вспомнить крылья.

Щит с трещиной

В те времена мальчик жил в большом королевстве. Конечно, никто, кроме него, этого королевства не видел. Для остальных это была обычная квартира на четвертом этаже обычного дома, с тесной прихожей, кухней, комнатами, вещами, которые вечно куда-то перекидывались, и взрослыми заботами, которые почему-то всегда находили способ просочиться даже в детские игры. Но взрослые вообще редко замечают настоящие королевства. Они слишком заняты тем, что называют жизнью, и поэтому видят только стены, мебель, квитанции, старый холодильник, зарплату, которая заканчивается раньше месяца, и необходимость как-то дотянуть до следующей недели. А мальчик видел совсем другое.

Он видел замок. Пусть не очень большой, пусть без башен и каменных стен, но настоящий. В этом замке жила королева. Она просыпалась раньше солнца и ложилась позже луны, побеждала чудовищ с именами Усталость, Нехватка Денег, Сломанный Холодильник, Неуспеть, Недосып и Завтра-Опять-На-Работу. Она умела накормить целое королевство тем, что другой человек назвал бы почти пустым холодильником, могла найти нужную вещь там, где все остальные уже сдались, и обладала редким даром делать мир безопасным одним своим объятием, даже если сама в этот момент едва держалась на ногах. Мальчик не знал, сколько силы уходит на то, чтобы быть королевой без трона. Он просто верил, что мама умеет все.

Еще в замке жил великий ученый. Он собирал удивительные механизмы, что-то разбирал, что-то соединял, знал тайны деталей, проводов, звезд и далеких планет, о которых рассказывал так, будто лично летал туда в гости. Иногда мальчику казалось, что если дать брату достаточно времени, тот обязательно построит лестницу до самой Луны или хотя бы такую машину, которая сможет починить в мире все сломанное. Жила там и прекрасная принцесса — самая прекрасная во всем мире. По крайней мере, так считал мальчик, а значит, именно так все и было. Сестра могла злиться, смеяться, спорить, казаться взрослой и недостижимой, но в его внутреннем королевстве она все равно оставалась принцессой, вокруг которой мир почему-то становился ярче.

И, конечно, в этом королевстве был король.

Вернее, его не было.

Но именно поэтому он казался еще больше. Отсутствующие люди часто занимают в детском воображении больше места, чем те, кто каждый день сидит за столом, надевает тапки, открывает холодильник и говорит обычные слова. Король жил в историях, разговорах, фантазиях и мечтах. Когда мальчик был совсем маленьким, ему рассказали, что отец умер. Все остальное история достроила сама. Ведь если человек исчезает, у этого должна быть достойная причина. Не может же король просто взять и уйти. Не может же великий человек отказаться от замка, королевы, ученого, принцессы и маленького рыцаря. Поэтому мальчик решил, что отец был настоящим героем, который однажды собрал свое войско и отправился в поход против драконов. Наверное, это были страшные драконы. Наверное, их было много. Наверное, битва длилась несколько дней и ночей, а отец сражался до самого конца. Так погибают герои. Так появляются легенды.

Так появляются могилы, к которым дети могут прийти, чтобы положить цветы и почувствовать, что их боль имеет красивую форму.

Мальчик искренне верил в эту историю, потому что она была правильной. Она объясняла все. Почему отца нет. Почему мама устает. Почему в доме иногда становится тихо не от спокойствия, а от того, что взрослые не хотят говорить при детях. Почему ему самому иногда хочется быть сильнее, чем он есть. Если отец погиб героем, значит, отсутствие было не предательством, а подвигом. Значит, королевство не брошено, а осиротело в результате великой битвы. Значит, в этом мире все еще можно верить в благородство.

Эта история была щитом.

Мальчик не знал, что носит его. Дети вообще не всегда видят собственные защиты. Они называют их мечтами, сказками, правдой, семейной историей, тем, что «так было всегда». Его щит был сделан из фантазий, надежд, любви к своему дому, жалости к маме, гордости за невидимого отца и той детской способности превращать боль в легенду, чтобы не погибнуть от простой реальности. Пока щит был целым, королевство держалось. Мама оставалась королевой, брат — великим ученым, сестра — прекрасной принцессой, отец — погибшим королем, а сам мальчик — маленьким рыцарем с солнечным мечом, которому однажды предстоит сделать что-то важное для всех.

Но однажды ночью в замок пришел дракон.

Это был не тот дракон, которого можно победить палкой, даже если палка называется солнечным мечом. Не тот, кого можно прогнать храбростью, перехитрить ловкостью или заставить отступить громким криком. Это был очень древний дракон, настолько древний, что его чешуя была покрыта не шрамами, а правдой. Он появился через балкон тихо, будто давно жил где-то рядом, сидел на крыше, спал в темных углах, слушал детские фантазии и просто ждал момента, когда мальчик станет достаточно большим, чтобы выдержать хотя бы часть того, что ему покажут. Мальчик проснулся и сразу увидел его. Дракон сидел посреди комнаты — спокойный, огромный, печальный. Так выглядят существа, которые слишком много знают и слишком редко ошибаются.

Мальчик схватил солнечный меч. Он ждал драконов всю свою жизнь. Для чего еще нужны рыцари? Он бросился вперед и начал наносить удар за ударом. Солнечный меч свистел в воздухе, бил по чешуе, по крылу, по темноте, по самому страху, но дракон не защищался, не нападал, не рычал и не выпускал огонь. Он просто смотрел. И от этого становилось страшнее всего, потому что невозможно победить того, кто не хочет сражаться. Мальчик бил сильнее, потом слабее, потом уже почти без сил, пока наконец не остановился, тяжело дыша, с солнечным мечом в руке, который вдруг оказался просто палкой.

Дракон заговорил только тогда, когда мальчик устал.

— Ты хороший воин, — сказал он.

Мальчик крепче сжал меч.

— Но сегодня мы сражаемся не за королевство.

Дракон сделал паузу. Его глаза стали еще печальнее.

— А за правду.

Мальчик хотел сказать, что правда на его стороне, что его королевство настоящее, что король погиб героем, что мама королева, что солнечный меч может защитить все, что он любит. Но слова не вышли. Может быть, потому что где-то глубоко внутри ребенок часто знает правду раньше, чем готов ее услышать. Дракон медленно открыл крыло, и под ним появились картины.

Сначала мальчик увидел своих одноклассников. Они сидели на плечах у отцов, катались с ними на велосипедах, шли по лесным тропинкам, жарили сосиски на костре, смеялись, спорили, держали большие взрослые ладони, которые не были ни героическими, ни легендарными, а просто были рядом. В этих картинах не было ничего сказочного, и именно это делало их невыносимыми. Там были обычные отцы. Не погибшие в битве, не ушедшие спасти мир, не превращенные в легенду. Просто мужчины, которые держали детей за руки, поправляли им шапки, ворчали, смеялись, учили кататься, возвращались домой.

Потом появилась другая картина. Обычный мужчина выходил из подъезда. Не рыцарь, не герой, не победитель драконов. Рядом с ним шли дети, женщина что-то говорила ему, он улыбался самой обычной человеческой улыбкой. Он был жив. Где-то далеко. В другой жизни. В другом доме. В другой семье. Дракон тихо сказал: «Это и есть твой настоящий отец». Мальчик замер. «А те, кого ты называешь братом и сестрой, — не твои родные», — продолжил дракон.

«Королева знала правду. Она просто скрывала ее от тебя, потому что не хотела делать тебе больно и разрушать твой волшебный мир».

Мальчик почувствовал, как внутри него что-то остановилось.

Затем дракон показал ему квартиру. Не замок. Квартиру. Старый свитер с растянутыми локтями. Потертые ботинки. Пожелтевшие обои. Маленькую кухню. Уставшую маму, которая вовсе не была волшебной королевой, а была женщиной, несущей слишком много на своих плечах. Брата, который был не великим ученым, а мальчиком постарше, тоже живущим в этом тесном мире. Сестру, которая была не прекрасной принцессой из сказки, а девочкой, девушкой, человеком со своей болью, своей злостью, своими будущими ошибками. Дракон не унижал их. Не разрушал из злости. Он просто снимал золотую ткань, которой мальчик укрыл реальность, чтобы любить ее безопаснее.

— Это ложь, — прошептал мальчик.

Но голос прозвучал неуверенно.

Дракон ничего не ответил. Он только смотрел. И вдруг мальчик понял. Не услышал, не узнал и не получил ответ от взрослого. Именно понял той страшной детской догадкой, которая приходит раньше слов и потом уже не уходит. Его отец не погиб в великой битве. Не сражался с драконами. Не спасал королевства. Он был жив. Где-то далеко. В другой жизни, в другой семье, в другом доме. Он не был королем, погибшим за всех. Он был человеком, которого не было рядом.

Земля под ногами начала исчезать.

Вслед за королем исчезло и все остальное. Не потому что мама перестала быть любимой, брат — важным, сестра — прекрасной, дом — родным. Нет. Но прежняя форма мира рухнула. Ученый стал просто братом. Принцесса стала просто сестрой. Королева стала мамой, которая очень устала. Замок превратился в квартиру. Королевство превратилось в обычную жизнь. А сам мальчик посмотрел на свои руки, на солнечный меч, на старый свитер, на свои коленки, на комнату и впервые подумал, что, возможно, он тоже не волшебный. Возможно, он обычный. Такой же, как все. Не сын погибшего героя. Не наследник великой легенды. Не маленький рыцарь из особого королевства. Просто мальчик, которого кто-то однажды оставил вне правды.

В этот момент рядом с ним лежал щит, которым он защищал свое королевство долгие годы. Щит из фантазий, надежд, красивых объяснений и любви к миру, который был слишком хрупким, чтобы смотреть на него прямо. И прямо посередине этого щита появилась трещина. Сначала маленькая. Потом больше. Потом еще больше, пока не прошла через весь щит от края до края. Мальчик смотрел на нее и понимал, что прежним он уже не будет.

Самым страшным было не то, что отец оказался жив. Самым страшным было то, что красивая история, в которую он верил, больше не могла защищать. Если король не погиб, а просто существовал где-то без него, значит, мир не всегда устроен благородно. Значит, люди могут уходить не по великой причине. Значит, любовь может быть недостаточной, чтобы удерживать. Значит, взрослые могут говорить одно, скрывать другое, а ребенок потом будет строить из этих обломков целое королевство, чтобы не чувствовать дыру. Солнечный меч лежал рядом, освещенный первыми лучами рассвета, но мальчик уже понимал: им нельзя разрубить то, что открыл дракон. Правда не была врагом, и именно поэтому ее нельзя было победить.

Когда начало светать, дракон поднялся и подошел к балкону. Город за окном просыпался обычным образом: где-то хлопали двери, кто-то заводил машину, кто-то шел на работу, кто-то еще спал, не зная, что в одной детской комнате за ночь рухнуло целое королевство. Солнце медленно поднималось над домами. Его первые лучи коснулись солнечного меча, коснулись треснувшего щита, коснулись лица мальчика.

— Почему ты это сделал? — тихо спросил он.

Дракон долго молчал, а потом сказал:

— Потому что однажды тебе придется узнать, что любовь не живет в сказках. Она живет в людях.

— А если люди врут? — спросил мальчик.

— Тогда тебе придется научиться видеть людей глубже их лжи.

Мальчик не понял этих слов. Он был слишком маленьким для такой правды. Ему казалось, что если сказка разрушена, значит, разрушена и любовь. Если королевство оказалось квартирой, значит, свет был обманом. Если отец не герой, значит, и он сам не может быть рыцарем. Дракон видел это, но ничего больше не сказал. Некоторые истины нельзя объяснить сразу. Их человек проживает годами.

После этого дракон расправил крылья и исчез.

А мальчик еще долго сидел на полу своей комнаты. Солнечный меч лежал рядом. Щит стоял у стены, рассеченный трещиной. За дверью начиналась обычная жизнь: мама, кухня, утро, школа, голоса, вещи, завтрак, движение. Но внутри мальчика обычная жизнь стала чем-то совсем другим. Он еще не знал, что именно с этой трещины начнется его самый длинный путь — путь обратно к самому себе. Он еще не знал, что вместо того, чтобы научиться видеть людей глубже их лжи, сначала научится видеть их слабости. Что боль очень скоро предложит ему новый способ защиты. Что дракон вернется не только с правдой, но и с подарком. И что этот подарок будет казаться спасением.

Потому что когда щит треснул, мальчику стало нечем закрывать сердце.

А сердце, оставшееся без защиты после первой большой правды, часто выбирает не свет. Оно выбирает броню.

Доспехи

На следующее утро голова мальчика была тяжелой, словно всю ночь вместо сна он таскал камни для строительства разрушенного королевства. Солнце светило так же, как вчера. Мама так же собиралась на работу. Брат искал что-то среди своих деталей. Сестра крутилась перед зеркалом. Кухня жила своими обычными утренними звуками: вода, чашки, шаги, короткие фразы, спешка, запах хлеба или каши, маленькое раздражение, без которого почти не бывает утра в доме, где всем надо куда-то успеть. Но все выглядело иначе. Будто кто-то ночью заменил краски в его мире. Раньше они были яркими и теплыми, а теперь стали бледными, холодными, подозрительными. Мама говорила что-то обычное, но он слышал не только слова. Он слышал то, чего раньше не слышал: усталость, недосказанность, тайну, которую взрослые прячут от детей, а потом удивляются, почему дети все равно вырастают с ощущением, что в доме было что-то невидимое.

Мальчик молча собрался и пошел в школу. Он старался не смотреть на трещину, которая осталась на его щите, но трещины обладают странным свойством: если появляются однажды, то начинают жить собственной жизнью. Их можно отвернуть к стене, накрыть одеялом, сделать вид, что ничего не случилось, но они все равно расползаются внутри взгляда. Раньше мир был цельным. Теперь в нем появилась линия разлома. До нее — солнечный меч, жук, король, замок, вера, что все живое можно понять. После нее — подозрение, что за каждой красивой историей может скрываться что-то совсем другое.

Когда он вошел в класс, ему показалось, что все уже знают. Одноклассники смеялись, разговаривали, бегали между партами, толкались, спорили о чем-то совершенно своем, но теперь каждый взгляд казался подозрительным. Каждая улыбка выглядела насмешкой. Каждый шепот звучал как обсуждение именно его жизни. Конечно, никто ничего не знал. Для всех остальных это было обычное утро, обычный класс, обычный день. Но дракон все еще сидел где-то внутри мальчика и теперь смотрел на мир его глазами. Вчера дракон показал правду. Сегодня он начал объяснять, как с этой правдой жить.

Мальчик сел за парту и услышал, как ребята обсуждают новогоднюю сценку. Они спорили о ролях, смеялись, вспоминали прошлое выступление и строили планы на предстоящий праздник. Совсем недавно такие разговоры радовали его. Он любил сцену. Любил ощущение, когда получается сделать что-то хорошо. Любил видеть счастливые лица учителей и родителей. Любил, когда его выбирали, когда ему доверяли, когда он мог выйти вперед и сделать так, чтобы все получилось. Это было связано с тем самым первым «Я!», с поднятой рукой, с радостью проявиться. Но теперь слова одноклассников звучали иначе. Главная роль уже не казалась только светом. Она вдруг стала чем-то, что другие могут использовать.

— Мы обязательно победим, — сказал кто-то.

И в этот момент мальчику показалось, что он услышал тихий смешок.

— Конечно, победите, — прошептал дракон где-то совсем рядом. — Ведь у вас есть тот, кто все делает за вас.

Мальчик оглянулся. Никого. Только дети. Обычные дети, шумные, живые, не знающие, что внутри него с ночи лежит треснувший щит. Но голос продолжал звучать.

— Посмотри на них внимательно. Они уже счастливы. Им хорошо. Они сейчас обсуждают сценку, потом пойдут домой к своим папам и мамам, будут пить чай, смотреть телевизор, рассказывать, как они выиграли конкурс. И знаешь, что самое интересное? Они скажут именно «мы выиграли». Не ты. Не тот, кто учил больше всех текста. Не тот, кто взял главную роль. Не тот, кто вышел вперед. Они скажут «мы».

Мальчик почувствовал, как внутри снова начинает подниматься знакомая тяжесть. Еще вчера эта тяжесть была беспомощностью. Сегодня она начала превращаться во что-то другое.

В обиду. В злость. В желание вернуть себе чувство силы. Он смотрел на своих одноклассников и впервые видел не друзей, а людей, которые могут взять у него свет и назвать его общим. Один вдруг показался ему глупым. Второй ленивым. Третий смешным. Четвертый слабым. Не потому что они действительно были такими, а потому что боль искала подтверждение новой правде: если мир может обмануть, значит, надо первым увидеть, где именно он слаб.

— Они даже пары строк не могут запомнить, — продолжал дракон. — Не то что сыграть главную роль. Посмотри на них. Они нуждаются в тебе гораздо больше, чем ты в них.

Мальчик молчал.

— Давай просто не придем на выступление, — предложил дракон. — Пусть попробуют сами. Пусть увидят, что получится без тебя.

Эта мысль показалась удивительно приятной. Он представил растерянную учительницу. Одноклассников, которые забывают слова. Сорванное выступление. Всех этих людей, которые вдруг понимают, насколько он был важен. Представил, как они говорят: без него ничего не получилось. Как им становится стыдно. Как они наконец видят его не просто частью класса, а тем, кто держал все на себе. Впервые после появления дракона ему стало немного легче.

Потому что боль очень любит превращаться в превосходство.

Когда человек чувствует себя брошенным, маленьким, обманутым и ненужным, ему начинает хотеться найти хоть что-то, в чем он лучше других. Если нельзя вернуть целый щит, можно хотя бы сделать острый край из его обломка. Если нельзя снова поверить в королевство, можно научиться смотреть на королевство сверху. Если свет не защитил, можно сделать так, чтобы никто больше не подошел достаточно близко.

— А чтобы они ничего не смогли тебе сделать, — продолжал дракон, — тебе нужны доспехи.

Весь день мальчик думал об этих доспехах. Он представлял их блестящими и прочными. Такими, через которые не проходит ни одна обида. Ни одна насмешка. Ни один чужой взгляд. Ни одна правда, к которой он не готов. Доспехи должны были закрыть грудь, где еще вчера жила вера в погибшего короля, в цельное королевство, в то, что мир можно освещать солнечным мечом. Доспехи казались не злостью, а спасением. Не холодом, а необходимостью. Не отказом от любви, а способом не умереть от нее, если она снова окажется связанной с болью.

Вернувшись домой, он закрылся в своей комнате. Солнечный меч лежал рядом с кроватью. Щит с трещиной стоял возле стены. Мальчик долго смотрел на них. Меч казался слишком светлым для того, что теперь происходило внутри. Щит — слишком сломанным, чтобы на него можно было надеяться. И тогда он увидел на стуле доспехи.

Он не удивился.

В сказках никто не удивляется волшебству. Особенно если волшебство приходит именно тогда, когда человек больше всего нуждается в объяснении своей боли.

Доспехи были невидимыми и настоящими одновременно. Он чувствовал их вес еще до того, как надел. Сначала нагрудник. Он лег на грудь прохладно и плотно, закрывая то место, где после ночного разговора с драконом все еще было слишком открыто. Потом наплечники, чтобы плечи больше не сгибались от чужих слов. Потом перчатки, чтобы руки могли держать не только солнечный меч, но и острые фразы. Потом шлем, через узкую щель которого мир сразу стал меньше, точнее, удобнее для оценки. Когда все было закончено, мальчик подошел к зеркалу.

Из зеркала на него смотрел настоящий рыцарь.

Только не такой, каким он представлял себя раньше. Этот рыцарь выглядел старше. Холоднее. Серьезнее. И почему-то гораздо более одиноким. В нем было что-то сильное, но эта сила не светила. Она блестела. А блеск железа совсем не похож на свет солнца.

Дракон появился за его спиной.

— Теперь мой подарок твой, — сказал он. — С этого дня ты будешь видеть в людях то, чего не замечают другие.

— Что именно? — спросил мальчик.

Дракон улыбнулся.

— Их слабости.

Мальчик не понял, что этот подарок одновременно оружие и проклятие. Ему казалось, что видеть слабости — значит быть защищенным. Если ты заранее знаешь, где человек глуп, смешон, жаден, труслив, ленив, зависим, нелеп, ты уже не так рискуешь поверить ему полностью. Ты можешь держать дистанцию. Можешь ударить первым. Можешь сделать так, чтобы смеялись не над тобой. И самое главное — можешь больше не чувствовать себя тем мальчиком, который сидел перед треснувшим щитом и думал, что с ним что-то не так.

На следующий день он пришел в школу в своих невидимых доспехах. Никто не видел их, кроме него самого, но они были настоящими. И подарок дракона тоже оказался настоящим. Теперь он действительно замечал в людях то, чего раньше не видел. Вернее, раньше тоже мог видеть, но свет в нем не позволял сделать это главным. Теперь все изменилось. Он видел ошибки раньше, чем старания. Глупость раньше, чем доброту. Недостатки раньше, чем достоинства. Он замечал, кто неправильно сказал слово, кто не понял шутку, кто слишком громко смеется, кто хочет понравиться, кто боится отвечать, кто плохо читает, кто неуклюже двигается, кто старается казаться смелым, хотя на самом деле дрожит. Мир стал резче. Люди стали понятнее. И от этого появилась страшная легкость.

Учителя не могли понять, что произошло. Еще недавно этот мальчик смотрел на мир с любопытством, а теперь все чаще улыбался какой-то странной улыбкой. Он начал замечать чужие оговорки. Начал подшучивать над одноклассниками. Начал говорить вещи, от которых весь класс смеялся. Самое удивительное заключалось в том, что смеяться было действительно смешно. Он был точен. Очень точен. Его шутки попадали туда, куда надо. Он умел за секунду увидеть в человеке слабое место и превратить его в фразу. Класс смеялся, потому что правда, сказанная жестко и вовремя, почти всегда смешит тех, кого она не касается.

Но одновременно почему-то было больно.

Одноклассники все чаще ждали его шуток. Они улыбались ему, подходили на переменах, слушали его истории. Он становился заметнее, сильнее, важнее. Его боялись и любили одновременно, а для мальчика с треснувшим щитом это было почти похоже на безопасность. Но где-то глубоко внутри каждый надеялся, что следующая шутка будет про кого-нибудь другого. Потому что мальчик научился очень точно находить слабые места. А когда человек умеет видеть слабости, рядом с ним трудно быть спокойным. Даже если он смешной. Даже если он умный. Даже если он сам когда-то был солнечным.

Солнечный меч все еще лежал в комнате. Мальчик не выбросил его. Просто стал брать реже. В доспехах неудобно держать солнечный меч. Железные перчатки лучше подходят для другого оружия: для сарказма, для презрения, для быстрых слов, для холодного взгляда, для умения заранее понимать, где человек не выдержит. Щит с трещиной стоял у стены и напоминал о ночи, после которой все изменилось. Но мальчик старался не смотреть на него. Ему казалось, что он нашел решение. Если щит больше не защищает, нужны доспехи. Если свет не спас от боли, нужен холод. Если мир оказался сложнее сказки, надо перестать верить в сказки.

Дракон каждый вечер становился немного больше.

Я не такой, как они

В то время маленький рыцарь уже почти не помнил, каково это — смотреть на мир без щели в шлеме. Солнечный меч давно лежал где-то внутри него, как старая палка в углу комнаты, которую вроде бы жалко выбросить, но уже непонятно, зачем брать в руки. Щит был треснут, и трещина в нем давно стала не событием, а способом видеть. Он больше не думал о той ночи каждый день, не вспоминал дракона, который пришел через балкон и показал ему правду, не называл свои доспехи доспехами. Они просто стали частью тела. Как голос. Как улыбка. Как привычка первым замечать чужую слабость. Как внутреннее презрение, которое казалось умом.

Тогда, в юности, маленький рыцарь вообще не понимал, как люди могут быть такими обреченными. Особенно в общественном транспорте. Троллейбусы, маршрутки, автобусы — все эти утренние и вечерние железные кишки города, набитые людьми, казались ему передвижными доказательствами того, что большинство давно проиграло, только почему-то продолжает ходить, работать, покупать хлеб, держать пакеты, смотреть в окна и делать вид, что это жизнь. Он садился у окна или стоял в проходе, держась за поручень, и смотрел на лица вокруг: на серые щеки, потухшие глаза, старые куртки, потертые сумки, усталые руки, на женщин, которые прижимали к себе пакеты с продуктами так, будто в них лежал весь смысл вечера, на мужчин с тяжестью в плечах, на студентов с одинаковой скукой, на стариков, которые уже почти не спорили с миром, потому что мир давно их пережал. И думал: господи, неужели они правда не понимают, что происходит?

Неужели они не видят, что стали набором серых кирпичей для государства, системы, завода, начальника, чужого расписания, чужого порядка, чужой идеи о нормальной жизни? Работа — дом. Дом — работа. Поел — поспал. Поспал — поел. Родился, удивился божьей коровке, пошел в школу, закончил, поступил куда сказали или куда получилось, женился, родил ребенка, взял кредит, купил диван, потерял волосы, заболел, умер. И все. Такая простая, такая страшная линия, что маленькому рыцарю казалось почти неприличным не кричать об этом вслух. Он смотрел на человека у окна, на его печальные глаза, на пакет в руках, на старую куртку, на усталость в плечах и никак не мог понять одну простую вещь: если ты уже видишь, что все тленно, если понимаешь, что однажды тебя не станет, зачем ты продолжаешь это делать?

Зачем ты ходишь на завод? Зачем сидишь у кассы? Зачем работаешь охранником, глядя в одну и ту же дверь, через которую проходят чужие жизни? Зачем каждый день приходишь туда, где все уже отточено, понятно и умерло еще до твоего появления? И зачем ты делаешь вид, что интрижки внутри коллектива, новости из телевизора, очередная тупость в социальных сетях, скидка на курицу, новый начальник, ремонт дороги, отпуск раз в год, чужая свадьба и разговоры о зарплате имеют хоть какое-то значение? Вот же ты тут. Настоящий. В этом троллейбусе. Смотришь в окно. Видишь свое отражение, наложенное на грязное стекло, на серый двор, на чужой подъезд, на город, который тебя переваривает. И что? Неужели тебе не хочется взять и разорвать этот порочный круг?

Тогда ему казалось, что он видит людей насквозь. Казалось, что у него есть особенный дар. Не просто ум, не просто наблюдательность, а почти проклятая способность видеть то, чего не видят остальные. Он думал: я не такой. Я понял про жизнь что-то важное, а они просто спят с открытыми глазами. Они едут в своих троллейбусах, несут пакеты, женятся, работают, рожают детей, разговаривают о погоде и не понимают, что все это декорации, построенные над бездной. А я понимаю. Я вижу. Я не поддамся. Я не превращусь в кирпич. Я не стану серым лицом у окна. Я не буду частью этой мясорубки, где людей сначала учат слушаться звонка, потом начальника, потом банка, потом врача, потом собственного страха.

Дракон в те годы уже не приходил как отдельное существо посреди комнаты. Он стал голосом, который маленький рыцарь принимал за себя. Не рычал, не расправлял крылья, не показывал картины под чешуей, а просто жил где-то за взглядом и помогал превращать каждое наблюдение в приговор. Иногда этот голос звучал почти мудро. Иногда смешно. Иногда точно. Но именно в этом и была его опасность: он редко ошибался полностью. Люди действительно были уставшими. Система действительно могла перемалывать. Чужие сценарии действительно существовали. Работа-дом действительно могла стать клеткой. Но дракон брал эту частичную правду и делал из нее доспех. Он говорил: раз ты видишь это, значит, ты выше. Раз ты понимаешь тленность, значит, ты не такой. Раз ты презираешь их круг, значит, ты уже свободен.

Прошел примерно год, и однажды маленький рыцарь сам ехал в троллейбусе. Уже не как наблюдатель сверху. Не как гений, который изучает серую массу с безопасного расстояния. Не как юный пророк, который случайно оказался среди спящих. А как такой же человек. С такими же глазами. С такой же усталостью. С глубокими треками в наушниках, с дорогой в офис, с сумкой или рюкзаком, с мыслью о том, сколько осталось до зарплаты, сколько нужно потратить, сколько можно оставить, когда снова курить, что сказать начальнику, как не выглядеть потерянными. Он ехал, потому что ему нужны были деньги. Деньги, чтобы жить жизнь человека, который едет в троллейбусе. И вот тут стало смешно. Даже глупо. Мир, который он презирал, не спрашивая, втянул его в себя так просто, будто всего лишь открыл двери на остановке.

Если бы какой-нибудь Маленький принц увидел эту картину вживую, наверное, он спросил бы что-нибудь очень простое и этим простым вопросом разрушил бы всю конструкцию. Но тогда маленький рыцарь еще не знал, что есть такая книга, не знал, что детская ясность иногда сильнее взрослого цинизма, и в той маршрутке ехал не Маленький принц. Там ехал маленький рыцарь. Только уже не солнечный. Тот самый, который после дракона начал наращивать доспехи. Панцирь. Броню. Защиту от мира, который оказался не сказочным, нечестным, несправедливым и слишком обычным для того, чтобы в нем легко было оставаться волшебным.

Тогда он еще не замечал этого в себе. Это потом, спустя годы, он сможет ясно увидеть того задиру в доспехах, который всем своим видом говорил миру: ну давайте, попробуйте меня задеть. Попробуйте назвать меня таким же. Попробуйте затолкнуть меня в ваш троллейбус, ваш университет, ваш выпускной, вашу свадьбу, вашу ипотеку, вашу работу, ваш правильный путь. Это потом он поймет, что тот юный рыцарь не был сильным. Он был раненым. Но тогда рана давно научилась говорить голосом силы, и он ей верил. Ему казалось, что презрение — это высота. Что сарказм — это свобода. Что умение видеть слабости — это признак особой породы.

Он видел себя почти Робин Гудом. Только Робин Гуд забирал золото у богатых и отдавал бедным, а маленький рыцарь вытаскивал из себя густую черную желчь и разбрасывал ее на всех подряд. Шутками. Язвой. Насмешками. Точными фразами, после которых человеку вроде бы смешно, но почему-то хочется замолчать. Он умел сказать так, чтобы все засмеялись, а тот, о ком сказано, сделал вид, что тоже смеется, хотя внутри у него что-то тихо сжалось. И маленькому рыцарю это нравилось. О боже, какой у меня классный дар, думал он тогда. Я вас вижу. Всех вас вижу. Вижу, кто глупый, кто трусливый, кто хочет понравиться, кто слишком старается, кто жалкий, кто скучный, кто уже сдался, кто делает вид, что счастлив, кто повторяет чужие слова, кто живет по инструкции. Я вижу то, чего вы сами в себе не видите.

Он видел стадо людей, не способных влиять на собственный мир. Видел, как глупо его одноклассники сами запрыгивают в мясорубку: школа, университет, работа, свадьба, ребенок, смерть. Ему было тошно надевать выпускные ленты и пиджаки только потому, что все так делают. Тошно участвовать в ритуалах, в которых он не видел смысла. Тошно улыбаться там, где все улыбались по инструкции, фотографироваться, слушать поздравления, делать вид, что переход из одного этапа в другой — это праздник, а не очередная метка на дороге в заранее

вырытую яму. Он смотрел на ребят, которые обсуждали поступление, экзамены, выпускной, пары, будущие профессии, и чувствовал не зависть, а злую тошноту. Как можно так легко соглашаться? Как можно с такой радостью примерять на себя ошейник только потому, что на нем написано «взрослая жизнь»?

Уж я-то точно не буду как они, думал он. Я-то не дурак. Я-то не поддамся этой системе. Уж я-то точно не буду ходить по клубам и прожигать вечера в бесполезных сборищах глупых подростков. Я-то уникальный. Я-то могу сидеть один в съемной квартире и понимать эту жизнь глубже, чем все они вместе взятые. Уж я-то точно не буду участвовать в крысиных бегах. Не буду гоняться за новой моделью кроссовок или телефона. Не буду как дурак фанатеть от тачек. Не буду класть жизнь на алтарь ипотеки. Не буду работать ради вещей. Не буду жить по чужому сценарию. Не буду. Не буду. Не буду.

Я не такой как они.

И самое страшное было в том, что он правда в это верил. Не играл. Не позировал перед собой. Не просто подростково спорил с миром, хотя и это тоже было. Он искренне думал, что его отрицание и есть свобода. Что если он не надевает выпускную ленту, не восхищается тем, чем восхищаются остальные, не мечтает о машине, не верит в университет как в дорогу к спасению, не участвует в общих ритуалах, значит, он уже вышел из системы. Но это была не свобода. Это было отрицание. Он строил себя не из того, кем хочет быть, а из того, кем быть не хочет. Он не создавал путь. Он убегал от чужих дорог. Он не выбирал жизнь. Он спорил с жизнью других людей.

А спор с чужой жизнью никогда не делает твою собственной.

Он только создает иллюзию превосходства.

И где-то внутри все это время продолжал стоять тот мальчик с треснувшим щитом. Тот самый, которому однажды показали, что отец не рыцарь, что королевство не королевство, что он не сын красивой легенды, а обычный мальчик в обычной квартире с обычной болью. Тот мальчик не смог тогда выдержать простоту этой правды и решил стать особенным другим способом. Если нельзя быть особенным через сказку, можно быть особенным через презрение. Если не получилось сохранить волшебство, можно стать тем, кто разрушает чужое. Если солнечный меч не спас от боли, можно научиться жалить. Видеть слабости. Быть тем, от чьей фразы в комнате шевелятся даже неодушевленные предметы. Даже если замечают за плохое.

В этом была страшная выгода успехов. Они давали ощущение формы. Раненый мальчик, который мог расползтись от стыда, вдруг становился острым, собранным, опасным. Он мог войти в компанию, в класс, в маршрутку, в разговор и быстро найти там слабое место. Кто-то говорил слишком просто — значит, тупой. Кто-то слишком старался — значит, жалкий. Кто-то верил в обычную жизнь — значит, спит. Кто-то устал — значит, сдался. Кто-то работал ради денег — значит, продался. Любая чужая жизнь превращалась в материал для внутреннего суда, и маленький рыцарь почти всегда выносил приговор быстро. Так было легче. Судья не обязан быть близким. Судья не обязан любить. Судья не обязан признаться, что сам боится оказаться на скамье подсудимых.

Но реальность, как всегда, оказалась терпеливее его философии. Она не стала спорить. Не стала доказывать, что он неправ. Она просто однажды посадила его в тот же троллейбус, среди тех же лиц, с той же усталостью, с той же необходимостью ехать туда, куда не очень хочется, потому что нужны деньги. И маленький рыцарь почувствовал, как его собственная мысль возвращается к нему, но уже не как оружие, а как зеркало. Работа — дом. Дом — работа. Поел — поспал. Поспал — поел. Родился. Удивился божьей коровке. Пошел в школу. Женился. Родил ребенка. Умер. Только теперь в этой строке появился он сам. Не где-то над ней. Внутри. С наушниками, с дорогой в офис, с усталым лицом в грязном окне.

И вместо того чтобы сразу что-то понять, он тогда, конечно, только сильнее закрылся. Потому что первый удар реальности редко делает человека мудрым. Чаше он делает броню

толще. Он начал еще яростнее доказывать себе, что его поездка в троллейбусе ничего не значит. Что он временно. Что он просто зарабатывает. Что он не такой, как те, потому что внутри-то он все понимает. Что можно ехать тем же маршрутом, но оставаться выше, если презираешь маршрут. Но жизнь не обманешь этим трюком. Если ты едешь в троллейбусе, ты едешь в троллейбусе. Если тебе нужны деньги, значит, тебе нужны деньги. Если ты устал, значит, ты устал. И никакое презрение к другим пассажирам не делает тебя свободным.

Много лет спустя маленький рыцарь поймет: тогда он не видел людей насквозь. Он видел только их доспехи, потому что сам смотрел из своих. Он видел серость, но не видел терпение. Видел пакеты, но не видел заботу. Видел старые куртки, но не видел зим, которые люди пережили. Видел кассира, но не видел ее больную спину, ребенка дома, надежду дотянуть до зарплаты, маленькую радость купить себе что-то ненужное. Видел охранника, но не видел человека, который, может быть, всю ночь стоял не потому, что мечтал об этом, а потому что иначе не заплатит за комнату. Видел завод, но не видел рук, которые умеют делать то, чего он сам никогда не умел. Видел чужой сценарий, но не видел, что иногда человек не выбирает сценарий, а собирает из доступного хоть какую-то опору. Он называл их обреченными, потому что боялся признать собственную обреченность. Называл их серыми, потому что сам уже потерял солнечный цвет и не хотел в этом признаться.

Но в ту пору до такого понимания было еще далеко. Тогда маленький рыцарь держался за свое «я не такой как они», как держатся за последнюю доску после кораблекрушения. Это «я не такой» грело его лучше куртки, кормило лучше обеда, заменяло ему карту, компас и молитву. Оно давало чувство высоты в троллейбусе, где все ехали на одной высоте. Давало чувство свободы, когда он сам ехал туда, куда требовала необходимость. Давало ощущение особой судьбы, когда обычность подступала слишком близко. Он не понимал, что отрицание — плохой строитель. Из него можно быстро возвести стену, но нельзя построить дом. Оно защищает от чужой жизни, но не создает твою.

Дракон тогда молчал чаще, чем говорил, потому что его работа уже была сделана. Он подарил мальчику способность видеть слабости, и теперь мальчик сам кормил его каждый день. В маршрутках, в разговорах, в школьных коридорах, в компаниях, в собственных отказах от ритуалов, в насмешках над теми, кто соглашался жить проще. Каждый раз, когда маленький рыцарь думал «я не такой», дракон становился чуть больше. Не потому что это было ложью полностью. Он действительно был не такой. Но не потому, что был выше других. А потому что его путь уже был сломан иначе.

А пока он ехал в троллейбусе.

Смотрел на серые лица.

Слушал музыку в наушниках.

Думал, что не такой как они.

И не замечал, что его собственное отражение в окне уже давно смешалось с их отражениями настолько, что отличить одно от другого можно было только изнутри. А изнутри он тогда еще смотрел не сердцем.

Изнутри он смотрел через щель шлема.

Город насекомых Три гусеницы

Дракон прошептал маленькому рыцарю:

— Пойдем со мной.

Маленький рыцарь посмотрел на него настороженно. В голосе дракона было что-то такое, от чего сразу становилось понятно: это не обычное приглашение и не прогулка туда, где все будет просто и ясно. Дракон никогда не звал туда, где можно было остаться прежним. Он всегда вел к чему-то, что сначала пугало, потом заставляло молчать, а уже потом, намного позже, начинало внутри объясняться.

— Куда? — спросил маленький рыцарь, сжимая в руке свой деревянный меч.

Ответа на этот вопрос не последовало. Дракон лишь загадочно улыбнулся, чуть наклонил голову и сказал:

— Увидишь.

Они вошли в старый подъезд, где пахло сыростью, пылью, кошками и чужими жизнями, которые годами поднимались по этим лестницам и опускались обратно, не становясь легче. Стены были исписаны словами, которые никто уже не читал, лампочка под потолком дрожала желтым светом, будто ей тоже было страшно светить в этом месте слишком ярко. Маленький рыцарь шел за драконом и чувствовал, как внутри него просыпается знакомое беспокойство. Оно всегда появлялось там, где внешний мир вдруг начинал напоминать что-то внутреннее: заброшенное, темное, недосказанное.

Квартира, в которую они вошли, была окутана белым духом сигарет, тухлых яиц, старой жареной еды, пьяного перегара и какого-то тяжелого человеческого отчаяния, которое не имело запаха само по себе, но почему-то всегда оставалось в воздухе там, где люди давно перестали верить, что их жизнь может измениться. Этот воздух был липким и неподвижным, он будто не хотел впускать их внутрь, но и выпускать тоже не собирался. Маленькому рыцарю показалось, что здесь давно не открывали не только окна, но и души. Все было застоявшимся, как вода в старом ведре, которую никто не выливает, потому что уже привык к ее мутности.

Дракон взял маленького рыцаря за руку и, почувствовав, как тот напрягся, спокойно добавил:

— Идем, не волнуйся. Они спят.

Но именно это почему-то напугало маленького рыцаря еще сильнее. Потому что спать можно по-разному. Можно спать после долгого дня, можно спать в безопасности, можно спать, чтобы набраться сил, а можно спать так, будто сама жизнь устала будить тебя и однажды просто отступила. В этой квартире спали не только люди. Здесь спали мечты, слова, раскаяние, чистота, утро, вера в то, что завтра может быть другим. Здесь все было погружено в какой-то густой сон, похожий не на отдых, а на отказ.

Они прошли через узкий коридор. Под ногами хрустели крошки и какой-то мелкий мусор. На стенах висели старые обои, кое-где оторванные и скрученные по краям, будто квартира сама сбрасывала кожу, но так и не могла решиться обновиться до конца. В комнате стоял диван с продавленной серединой, на полу валялись носки, пустые бутылки, пакеты, какие-то мятые бумаги, потерявшие всякий смысл. В углу стоял телевизор, черный и молчаливый, как еще одно окно, за которым ничего не происходило. Маленький рыцарь смотрел на все это и не понимал, почему ему становится грустно. Ведь это были просто вещи, просто грязь, просто чужая квартира. Но иногда беспорядок снаружи бывает лишь тенью того беспорядка, который давно поселился внутри человека.

Потом они оказались на кухне.

Кухня была маленькая, тесная, с обшарпанным гарнитуром, облезлыми ручками шкафчиков, горой грязной посуды в раковине, упаковками полуфабрикатов, засохшими крошками, луковой шелухой, окурками, липкими пятнами на столе и мусором, который уже не выглядел случайным. Он казался частью этой кухни, ее привычной мебелью, ее немым украшением. В раскрытое окно тянулся сигаретный дым, но почему-то не уходил наружу, а просто кружил по комнате и снова оседал на стенах, потолке, занавесках, на лицах тех, кто здесь спал. За окном был вечер, и где-то там, снаружи, наверняка жили другие звуки: машины, голоса, ветер, шаги людей, возвращающихся домой. Но сюда этот мир почти не доходил. Здесь был свой маленький замкнутый мир, в котором время не шло вперед, а ходило кругами от бутылки к тарелке, от тарелки к сигарете, от сигареты ко сну.

На столе стояли закуска и водка. Все это выглядело не как праздник, не как встреча, не как человеческое желание разделить радость, а как приготовление к очередному забвению. Будто люди садились сюда не жить, а исчезать на несколько часов, чтобы не слышать себя. Чтобы не помнить, кем они хотели стать. Чтобы не думать о том, что внутри них когда-то было что-то легкое, живое и настоящее.

А на стульях, вместо людей, уютно расположились три огромные гусеницы с человеческими головами.

Сначала маленький рыцарь даже не понял, что видит. Их лица были похожи на лица взрослых мужчин лет за сорок: опухшие, тяжелые, небритые, с усталыми веками и приоткрытыми ртами, из которых вырывалось хрипкое сонное дыхание. Но тела у них были не человеческие. Мягкие, большие, складчатые, бледные, с короткими беспомощными лапками, они лежали на стульях так привычно, будто всю жизнь только и делали, что ползали, ели листья и спали. В этих телах было что-то одновременно отвратительное и жалкое. Они были огромными, но не сильными. Взрослыми, но не выросшими. Живыми, но будто не до конца родившимися.

Маленький рыцарь почувствовал, как его пальцы сильнее сжали деревянный меч.

— Кто они? — тихо спросил он.

Дракон посмотрел на спящих гусениц и загадочно произнес:

— Они не смогли.

— Что именно не смогли? — спросил маленький рыцарь.

— Выйти из своей гусеничной кожи и превратиться в бабочек, — ответил дракон. —

Они не увидели внутри себя то, что делало их настоящими. Не рискнули заглянуть в свои глаза, чтобы увидеть там не только усталость, злость, похмелье и обиды, а что-то большее. То, что могло превратить их в бабочек. Они остались гусеницами, потому что выбрали понятную и ясную жизнь: ползать, есть листья, спать, жаловаться, злиться, снова ползать, снова есть и снова спать. Такая жизнь кажется простой, потому что в ней не нужно умирать для старого себя. Не нужно спрашивать, кто ты на самом деле. Не нужно слышать зов перемен, потому что можно залить его водкой, закрыть дымом, спрятать под грубым смехом и сказать, что все это глупости.

Маленький рыцарь смотрел на них и не мог отвести взгляд. Ему казалось, что они спят не только после пьяного вечера. Они спят гораздо глубже. В них спала их настоящая жизнь. Спали их детские мечты, первые надежды, те чистые желания, которые когда-то, возможно, еще не успели стать стыдом. Может быть, один из них когда-то хотел строить корабли. Может быть, другой мечтал петь или рисовать. Может быть, третий просто хотел, чтобы его любили и хоть раз посмотрели на него с гордостью. Но потом что-то произошло. Кто-то сказал им, что крылья не для них. Кто-то высмеял их нежность. Кто-то ударил по сердцу так рано, что они решили больше никогда его не открывать. И вместо того чтобы однажды стать куколкой и пройти через трудное превращение, они предпочли остаться в привычной коже, даже если эта кожа давно стала тесной и уродливой.

— А почему они не захотели стать бабочками? — спросил маленький рыцарь.

Дракон вздохнул. Его глаза на мгновение стали совсем темными, будто он вспоминал не этих троих, а множество других, которых видел раньше.

— Потому что для этого нужна храбрость. Не та храбрость, с которой бросаются на врага с мечом. Другая. Более тихая и страшная. Нужно осознать, что внутри гусеницы не только органы, не только голод, страх, обиды, привычки и память о том, кто ее когда-то обидел. Внутри гусеницы есть бабочка. Но бабочка просыпается только тогда, когда гусеница соглашается заснуть. Старая форма должна замолчать, чтобы новая смогла родиться. А это похоже на смерть. Нужно перестать быть тем, кем ты привык себя считать. Перестать ползать по старым тропам. Перестать оправдывать свою слабость судьбой, свою злость правдой, свою лень усталостью, свою боль характером. Нужно войти в темноту куколки и выдержать там самого себя.

Маленький рыцарь молчал. Раньше ему казалось, что смелость нужна только для битвы с чудовищами, которые стоят перед тобой. С теми, у кого есть зубы, когти, огромные тени и страшные голоса. Но теперь он начал понимать, что иногда самое опасное чудовище не нападает. Оно живет внутри и говорит почти ласково: «Останься таким, как есть. Не меняйся. Не смотри внутрь себя. Там больно. Там темно. Там придется признать, что ты сам держишься за свою клетку. Лучше поспи. Лучше поешь. Лучше обвини кого-нибудь другого. Лучше скажи, что жизнь такая, люди такие, мир такой, и ничего нельзя изменить».

Одна из гусениц во сне пошевелилась, причмокнула губами и будто хотела что-то сказать, но слова не вышли наружу. Маленькому рыцарю стало странно жалко ее. Не той жалостью, от которой чувствуешь себя лучше другого, а той, от которой внутри становится тише. Он вдруг понял, что эти гусеницы не всегда были такими. Они не родились за этим столом, среди бутылок, грязной посуды и сигаретного дыма. Когда-то они тоже были маленькими. Может быть, у каждого из них был свой деревянный меч, свое поле, свой первый подвиг, своя вера в то, что впереди обязательно случится что-то большое и прекрасное. Но где-то по дороге они испугались. Где-то решили, что безопаснее не лететь, а ползти. Где-то поверили, что если не смотреть на небо, то оно перестанет звать.

— Они могли бы летать? — спросил маленький рыцарь.

— Могли бы, — ответил дракон. — И, может быть, еще могут. Пока они живы, внутри них все еще есть бабочка. Но чем дольше гусеница живет только как гусеница, тем труднее ей поверить, что небо существует для нее. Она начинает думать, что листья — это весь мир, что грязная кухня — это дом, что бутылка — это утешение, что сон — это спасение, а собственная старая кожа — это судьба. Она привыкает к своей тесноте и начинает защищать ее. А самое страшное происходит тогда, когда гусеница уже не просто боится стать бабочкой, а начинает смеяться над теми, кто пытается расправить крылья.

Маленький рыцарь посмотрел в раскрытое окно. Там, за мутным стеклом и сигаретным дымом, был вечер. Небо еще светилось, мягко и спокойно, как будто ничего не знало об этой кухне, о водке, о трех спящих гусеницах с человеческими головами. Но маленькому рыцарю вдруг показалось, что небо знает все. Оно просто никого не заставляет летать. Оно висит над всеми одинаково: над теми, кто решился на превращение, и над теми, кто всю жизнь доказывал, что крыльев не существует.

А ведь нужно было лишь набраться храбрости и осознать, что внутри гусеницы живет бабочка. Что внутри нее не только органы, не только земная тяжесть, не только желание есть и спать, а тайная возможность полета. Что бабочка проснется лишь тогда, когда гусеница заснет. И только тогда, превратившись в куколку, выдержав темноту, одиночество, тишину и страх потерять прежнюю форму, она сможет сбросить старую кожу и расправить крылья. Но для этого нужно посметь заглянуть в свое сердце. Нужно услышать зов перемен и перевоплощений. Зов новых возможностей. Зов жизни не только понятной, но и живой. Не только безопасной, но

и настоящей. Не только привычной, но и наполненной удовольствием от того, что ты наконец стал собой.

— А я? — тихо спросил маленький рыцарь. — Я тоже могу остаться гусеницей?

Дракон повернулся к нему. В его взгляде не было ни угрозы, ни утешения. Только честность.

— Каждый может, — сказал он. — Поэтому и нужно вовремя заглядывать внутрь себя. Не тогда, когда старая кожа уже приросла к тебе так сильно, что ты начинаешь считать ее своим лицом. А раньше. Пока еще страшно, но возможно. Пока внутри еще шевелится что-то легкое. Пока ты еще слышишь небо.

Маленький рыцарь опустил глаза. Он вдруг почувствовал, что деревянный меч в его руке нужен не только для того, чтобы защищаться от внешних врагов. Может быть, когда-нибудь этот меч понадобится ему для другой битвы: чтобы разрезать собственную старую кожу, если она начнет душить его; чтобы не дать себе привыкнуть к тесноте; чтобы не стать взрослым телом с уснувшей душой; чтобы не променять возможность полета на понятную жизнь среди листьев, дыма, жалоб и сна.

Они вышли из квартиры молча. За дверью остались три огромные гусеницы с человеческими головами, водка, закуска, грязная посуда и белый дух сигаретного дыма. Но маленький рыцарь понимал, что такие места не исчезают, когда закрываешь за собой дверь. Они остаются внутри как предупреждение. Как страшная сказка, которую тебе показали не для того, чтобы напугать, а чтобы однажды, когда ты сам начнешь оправдывать свою старую кожу, ты вспомнил эту кухню, этих спящих взрослых гусениц и дракона, который сказал: «Каждый может».

На улице было прохладно. Маленький рыцарь глубоко вдохнул, и свежий воздух показался ему почти чудом. Дракон шел рядом и ничего не говорил. Он уже сказал достаточно. Иногда самое важное знание нельзя объяснить до конца, потому что оно должно не просто попасть в голову, а поселиться где-то глубже, там, где начинается превращение.

Плохие парни

Часть 1.

Маленький рыцарь проснулся утром в своей постели и какое-то время лежал неподвижно, глядя в потолок, будто ожидал, что оттуда сейчас свесится драконья морда и спокойным голосом скажет: «Ну что, понял?» Но потолок был обычный, белый, с маленькой трещиной возле люстры, похожей на тонкую молнию, застывшую в штукатурке. Комната тоже была обычная. Одеяло сбилося к ногам, на стуле висела вчерашняя одежда, где-то за стеной мама двигала посуду на кухне, и от этого привычного утреннего звука все ночное вдруг стало сомнительным. Был ли дракон? Были ли три огромные гусеницы с человеческими головами? Была ли та прокуренная квартира, где водка стояла на столе как маленький алтарь человеческого поражения? Или все это было просто сном, в котором голова сама дорисовала то, что давно чувствовала, но не умела назвать?

Ясно было только одно: доспехи по улице не носят, и с палкой ходить тоже будет глупо. Даже если внутри ты маленький рыцарь, снаружи ты все равно мальчишка, которому нужно натянуть штаны, найти чистую футболку, сунуть в портфель тетрадки и сделать вид, что впереди у него самый обыкновенный школьный день. А самый обыкновенный школьный день всегда почему-то требовал от него больше мужества, чем битва с чудовищем. Потому что чудовище хотя бы честно выглядит чудовищем, а школа притворялась полезным местом, где людей готовят к жизни, хотя маленькому рыцарю все чаще казалось, что там готовят не к жизни, а к правильному способу тихо перестать быть собой.

Собравшись на скорую руку, он выбежал из дома. В школу ходить имело смысл разве что для того, чтобы маме не приходили сообщения о том, что ваш сын куда-то пропал. Во всем остальном маленький рыцарь обезоруженно мчался навстречу всему, что только могло попасться ему на пути, а в старших классах попадалось все самое удивительное, разнообразное, иногда смешное, иногда страшное, а в последнее время еще и какое-то особенно убогое и бездарное. Будто мир взрослых, который раньше казался большим, важным и недостижимым, начал вдруг показывать свои швы, засаленные воротники, усталые лица, плохо скрытую злость и полное отсутствие волшебства.

Первым у входа в школу его встретил худой морж на посту охраны. Он сидел на стуле в своей форме, вытянув шею вперед, с лицом человека, которого поставили охранять не потому, что он может кого-то защитить, а потому, что его самого как будто было жалко оставить без места. Какой из него охранник, думал маленький рыцарь, если его самого нужно охранять от сквозняка, от школьников, от жизни и от внезапного вопроса, зачем он вообще здесь сидит. Он смотрел на входящих детей так, будто каждый из них был для него не угрозой, а маленьким доказательством того, что время все-таки идет, но только не для него. Для него оно остановилось где-то между вахтой, термосом с чаем, потертой курткой на спинке стула и странной важностью человека, которому выдали право спрашивать: «Куда пошел?»

Дальше были технички. Угнетенные своим положением женщины, водящие швабрами по мраморному полу школы, словно серые голуби с краткосрочной памятью не больше одной минуты. Маленькому рыцарю казалось, что такая память дана им не случайно, а как милость. Чтобы, если вдруг они случайно вспомнят, где они, кем они стали, сколько им лет и как звучит слово «поломойка» внутри собственной головы, они могли тут же все забыть и снова водить мокрой тряпкой туда-сюда, туда-сюда, будто стирая не грязь с пола, а следы собственного присутствия в мире. Быть поломойкой в сорок лет — это ужасно, думал маленький рыцарь, и в этой мысли было много детской жестокости, потому что дети часто не умеют отличать человеческую трагедию от человеческой вины. Ему казалось, что человек сам превращается в свое

место, сам становится своей шваброй, своим ведром, своим запахом хлорки, своим опущенным взглядом.

Он еще не знал, что иногда жизнь прижимает людей к полу задолго до того, как они берут в руки тряпку.

Но еще ужаснее, чем технички, были собачонки в костюмах. Маленький рыцарь всегда с презрением смотрел на собак, которых одевают в одежду, будто насмехаясь над их природой, будто говоря: ты уже не зверь, но человеком все равно не станешь, поэтому будешь ходить в нелепом свитерке и радовать хозяев своей униженной милотой. И вот теперь перед ним каждый день был целый приют таких собак разных пород, возрастов, форм и характеров, которых одели в один и тот же костюм на протяжении всей жизни. У кого-то пиджак был потертый на локтях, у кого-то засаленный на воротнике под затылком, у кого-то брюки странно висели мешком, у кого-то галстук был затянут так, будто его не завязали, а привязали к профессии. Они все равно исполнительски, по-собачьи приходили в школу исполнять свой гражданский долг — быть учителями.

Они входили в классы с журналами под мышкой, с усталой уверенностью людей, которые уже давно не ждут от своего предмета никакого чуда. Они гавкали правила, диктовали параграфы, ставили отметки, делали замечания, спрашивали домашнее задание и с таким важным видом произносили слова «контрольная работа», будто держали в руках не мел и указку, а ключи от будущего. Маленький рыцарь смотрел на них и думал: омерзительно и глупо. Омерзительно — потому что они сами давно перестали гореть, но требовали внимания. Глупо — потому что пытались учить жизни, хотя в их глазах он видел не жизнь, а утомленное согласие с клеткой. Он, конечно, не понимал еще, что за каждым таким лицом тоже была своя история, своя несбывшаяся бабочка, своя куколка, в которую человек не вошел или из которой не вышел. Он просто видел костюм, мел, раздражение и власть, а для мальчишки этого было достаточно, чтобы презирать.

Дойдя до столовой, он увидел пухлых английских бульдогов, живущих под чем-то, в каких-то своих плотных, теплых, мучных иллюзиях. Скорее всего, думал он, они просто заморожены запахом свежих булочек, тефтель, подливки и сладкого чая, поэтому проводят время в школьной столовой и работают поварами. Они двигались медленно, тяжело, с сонной важностью существ, для которых мир давно сузился до кастрюль, противней, половников и вечного вопроса, кому сколько положить. Их лица были красные от жара кухни, руки быстрые, привычные, а голоса грубоватые, но не злые, просто пропитанные паром и усталостью. Маленький рыцарь и сам был бы рад подольше посидеть в школьной столовой, потому что столовая, при всей своей липкости и шуме, была честнее классов. Там хотя бы было понятно, зачем ты пришел. Там давали еду. Не смысл, не мораль, не формулы, которые потом никогда не пригодятся, а булочку, котлету, чай.

Иногда этого было достаточно, чтобы место казалось почти добрым.

Но школьный звонок, этот металлический символ закрепощения, правил и понятного запрограммированного мира, позвал его в класс. Звонок был не просто звуком. Он был командой. Он резал пространство, разделял жизнь на куски, говорил, когда можно идти, когда сидеть, когда говорить, когда молчать, когда хотеть есть, когда делать вид, что тебе интересно. Маленький рыцарь ненавидел его почти физически. В этом звоне было что-то от заводского гудка, от собачьего свистка, от команды дрессировщика, и каждый раз, когда он звучал, вся школа приходила в движение, словно большой послушный механизм, где дети были еще не деталями, но их уже старательно обтачивали под нужный размер.

Урок, перемена, урок. Потом снова урок, снова перемена, снова урок. День шел не вперед, а по кругу, как гусеница вокруг собственного листа. Маленький рыцарь сидел за партой, смотрел в окно и думал, что где-то там существует настоящее небо, настоящие дороги, настоящие битвы, настоящие разговоры, а здесь все будто понарошку, но от этого почему-то еще

тяжелее. Потому что если тюрьма выглядит как тюрьма, с ней можно бороться. А если тюрьма выглядит как школа, форма, дневник, оценка и забота о твоём будущем, то попробуй докажи, что тебя здесь не выращивают, а приручают.

На одной из перемен маленький рыцарь вышел в коридор и сунул руку в карман. Пальцы нащупали пачку сигарет West. Крутые сигареты с крутым фильтром. Не какие-нибудь Bond и уж тем более не Балканская Звезда, которую могли курить только совсем уж потерянные или взрослые, которым уже нечего доказывать. West казался ему почти знаком принадлежности к чему-то более высокому, чем школьная суета. У такого благородного мальчишки должны были быть благородные сигареты, даже если само слово «благородство» странно смотрелось рядом с уличным туалетом, мокрым бетоном, пацанским матом и запахом, от которого у нормального человека слезились бы глаза.

Перемена за переменной проходили в уличном школьном туалете, где все классные пацаны дымили и, вперемешку с запахом мочи, говна и сигаретного дыма, обсуждали что-то важное и интересное. В этом месте было отвратительно, но именно поэтому оно казалось настоящим. Здесь никто не притворялся, что воспитывает, развивает, направляет или формирует личность. Здесь все было прямо: дырка в полу, человеческие фекалии вокруг нее, стены с надписями, плевки, окурки, дым, смех, мат, чужие тайны, слухи, угрозы, обещания и какая-то первобытная свобода, которая пахла хуже всего на свете, но все равно манила сильнее чистых коридоров.

Что-то настолько вдохновляющее было в этих разговорах, что оно заставляло не замечать смрада уличного туалета и самого факта нахождения людей рядом с дыркой в полу, обрамленной человеческим падением в самом буквальном смысле. Маленький рыцарь стоял чуть в стороне и сначала наблюдал. Ему казалось, что он попал не просто в туалет, а в тайное логово стаи, в место, где школьная власть заканчивалась и начиналась другая иерархия, более грубая, но зато более понятная. Здесь ценились сигареты, старшие братья, знание чужих конфликтов, умение не испугаться, умение вовремя сказать нужное слово и не сказать лишнего. Здесь не спрашивали домашнее задание, но экзамен был каждую секунду. И провалить его было страшнее, чем получить двойку.

Маленький рыцарь подошел ближе и прикурил свой West. Сигарета в его пальцах казалась почти мечом, только маленьким, белым и тлеющим. Он затаился не слишком уверенно, но постарался не закашляться, потому что кашель в таких местах звучит как признание слабости. Дым ударил в горло, глаза немного защипало, но он выдержал. И сразу почувствовал, что на него обратили внимание.

Стайка бродячих котят повернулась к нему. Они были именно котятами, хотя старались выглядеть дворовыми котами, уже пережившими драки, зиму, голод и предательство людей. Худые, нервные, резкие, с быстрыми глазами, они держались вместе, как будто каждый по отдельности был еще слишком маленьким, а вместе они становились почти опасными. Самый важный из них, тот, у кого голос уже пытался быть мужским, но иногда предательски срывался куда-то вверх, сразу крикнул:

— О, West, нифига себе. Дай покурить. Давай иди сюда.

Маленький рыцарь подошел и угостил его сигаретой. В этом жесте было больше политики, чем щедрости. Он еще не знал слова «дипломатия», но уже понимал, что иногда пачка сигарет открывает двери лучше любого ключа. Он встал рядом. Они курили молча первые несколько секунд, и это молчание было важнее разговора, потому что в нем решалось, свой он или случайный. Дым поднимался к разбитой крыше туалета, смешивался с холодным воздухом и запахом старой мочи, а маленький рыцарь чувствовал, как его будто принимают в какое-то новое пространство, где не надо быть хорошим учеником, сыном, ребенком, надеждой семьи или будущим гражданином. Здесь можно было просто стоять, курить и быть тем, кого не сразу прогоняют.

Потом начались вопросы. Где живешь? С кем? Ты чей? У тебя брат есть? А ты с какого класса? А ты этого знаешь? А того знаешь? И после нескольких фраз, после кивков, после обмена фамилиями, улицами, родственниками и смутными связями, коннект был окончательно налажен. Оказалось, что мир устроен не по школьному расписанию, а по каким-то невидимым нитям: кто чей брат, кто с кем дружит, кто кого знает, кто с кем рамсил, кто кому что сказал, кто за кого может вписаться и кто, наоборот, просто много говорит. Это было интереснее любого урока обществознания, потому что здесь общество было живым, опасным и пахло дымом.

Дальше пошли разговоры о какой-то сходке пацанов, о старших и авторитетных, о том, кто с кем «рамсил», то есть спорил, в субботу на дискотеке в соседней деревне. Слова летали вокруг маленького рыцаря, как искры: «наехал», «ответил», «подошли», «старшие сказали», «не вывез», «надо будет решить». Он слушал и чувствовал, что здесь, в этих грязных стенах, скрывается настоящая карта мира, которую взрослые почему-то не показывают. В учебниках были реки, города, полезные ископаемые и исторические даты, а здесь были территории, стаи, имена, страх, уважение, позор и возможность стать кем-то не по журналу, а по тому, как ты держишься среди других.

Это интересно и увлекательно, подумал маленький рыцарь. Особенно если у тебя есть хорошие сигареты, благодаря которым ты можешь с легкостью проникать в самую глубь событий. Сигареты были не просто сигаретами. Они были пропуском, валютой, знаком, маленьким костром, вокруг которого собирались те, кто тоже не хотел идти на урок. Они позволяли стоять рядом, слушать, задавать вопросы, иногда молчать с умным видом и постепенно становиться частью разговора, даже если еще вчера тебя в этом разговоре не существовало.

Маленький рыцарь затаился еще раз и посмотрел на стайку бродячих котят. В них было что-то смешное, жалкое и завораживающее. Они были еще детьми, но уже репетировали взрослую жесткость. Уже учились говорить так, будто ничего не боятся. Уже примеряли на себя чужие интонации, чужие правила, чужие понятия, как те самые собаки в костюмах примеряли одежду, только у котят костюмы были невидимые. Они назывались «пацан», «авторитет», «свой», «не терпила». И маленький рыцарь вдруг подумал, что, может быть, школа была не одним местом, а сразу несколькими. В классах выращивали послушных собак, в столовой кормили бульдогов и детей, в коридорах плавали технички-голуби, у входа дремал худой морж, а здесь, в уличном туалете, поднималась новая стая, которая тоже мечтала не стать гусеницами, но пока не знала другого способа вырасти, кроме как научиться шипеть, дымить и кусаться.

Звонок снова ударил по воздуху. Где-то за стенами туалета школа призывала своих учеников обратно в классы, к доске, к журналу, к параграфам и собачьим голосам в засаленных воротниках. Но маленький рыцарь не сразу двинулся. Он докуривал свой West и чувствовал странное удовольствие от того, что хотя бы на несколько минут выпал из общей программы. Будто его не поймали. Будто он нашел лазейку. Будто среди всего этого уродливого школьного королевства существовали тайные ходы, через которые можно было пробраться к другой жизни.

Часть 2

Водка. Лимон. Нарезка из вареной колбасы и российского сыра, разложенная на плоской тарелке так, будто это не бедная закуска для подросткового вечера, а почти торжественный стол, почти доказательство того, что жизнь удалась, потому что на ней есть стеклянная бутылка, кислый желтый круг лимона и тонкие ломтики сыра, прилипшие друг к другу от тепла комнаты. Парни в красивых лонгсливах, еще пахнущих магазином, стиральным порошком и желанием быть взрослыми. Девчонки с накрашенными ресницами и губами, с волосами, которые они поправляли каждые несколько минут, будто от этого зависела не прическа, а вся их будущая судьба. В комнате пахло одновременно духами, юношеской наивностью, дешевым дезодорантом, лимоном, спиртом и тем странным ожиданием вечера, когда всем кажется, что сейчас начнется настоящая жизнь, хотя на самом деле начинается лишь очередная ее репетиция.

Это всегда весело, подумал маленький рыцарь, сидеть в новых джинсах за пять с половиной тысяч и закусывать водку лимоном. Что может быть лучше. Джинсы были важны почти так же, как сама водка, потому что без них вечер терял бы часть смысла. В старых джинсах пить водку было бы просто пить водку, а в новых джинсах за пять с половиной тысяч это уже становилось событием, образом, заявлением миру, что ты не просто мальчик из обычного дома, не просто школьник, не просто еще один будущий участник общей мясорубки, а кто-то особенный, кто умеет выбирать вещи, сигареты, алкоголь, компанию и собственное выражение лица. Маленькому рыцарю нравилось это ощущение. Нравилось сидеть, чуть откинувшись назад, держать рюмку так, будто держишь не стекло с жидкостью, а пропуск во взрослость, и смотреть на остальных с легкой насмешкой, потому что насмешка была его вторым мечом, куда более удобным, чем деревянная палка из детства.

А лучше, скорее всего, было то, что после того, как они напьются здесь водки, доедят вареную колбасу, сыр и лимон, они выйдут на улицу. И будут идти по улице как хозяева этой жизни, потому что гусеницы, личинки, собачки в костюмах, пухлые бульдоги из столовой, худые моржи на охране и все остальные уже спят, или смотрят глупые телешоу с второсортным юмором, или сидят на кухнях, в которых давно перестал происходить настоящий разговор. Впрочем, и сейчас на фоне водки и лимона был включен телевизор с тем же самым шоу, где взрослые люди кривлялись, смеялись записанным смехом и изображали веселье так громко, что становилось понятно: настоящего веселья там давно нет. Но мы-то, думал маленький рыцарь, мы-то другое. Мы-то будущее. Мы-то смотрим это по приколу. Мы-то понимаем, насколько все это глупо, и именно поэтому можем смеяться над этим свысока.

Мы-то уже пьем водку дорогую, а не какую-нибудь подешевле, которую берут те, кому все равно, чем заливать свою скуку.

Рюмка за рюмкой. Сначала лицо становится теплее, потом слова начинают выходить легче, потом чужие шутки кажутся смешнее, потом собственные мысли кажутся глубже. Маленький рыцарь любил этот момент, когда внутри запускалась уверенность, не настоящая, конечно, а спиртовая, но в юности разница между настоящим и поддельным почти не ощущается, если подделка достаточно ярко блестит. Он говорил громче, чем обычно, смеялся резче, чем нужно, ловил взгляды девчонок, ловил одобрение парней, бросал фразы, от которых кто-то хохотал, а кто-то делал вид, что не обиделся. Шутки и глумление над окружающими были как особый вид спорта, в котором маленький рыцарь чувствовал себя сильным. Он умел видеть слабости людей и вытаскивать их наружу так, чтобы все смеялись, и никто сразу не понимал, что ему сделали больно. Это казалось талантом, почти даром, хотя на самом деле, может быть, было просто способом первым уколоть другого, пока не укололи тебя.

Компания его любила за это. Любила его манеру выбирать дорогую водку и премиальные сигареты, любила то, как он говорил о людях, как будто все уже понял, как будто все они вокруг — взрослые, учителя, соседи, родители, продавщицы, охранники, технички, повара, местные авторитеты, влюбленные парочки — были для него существами низшего порядка, смешными формами жизни, которые не прошли превращение и теперь ползают каждый в своей привычной коже. Маленький рыцарь не замечал, что эта любовь компании держится не на нем самом, а на том, что рядом с ним всем становилось чуть легче презирать мир и не чувствовать собственный страх перед ним.

Потом они начали спускаться по подъезду. Ступенька за ступенькой, шумно, с толчками плечами, с матом, с хохотом, с чьим-то «тише, соседи», сказанным так громко, что соседи наверняка слышали именно его. В подъезде пахло пылью, старой краской, кошками, чужими ужинами и осенью, которая уже проникала даже в бетонные клетки домов. Ранняя осень еще не была холодной по-настоящему, но уже позволяла надеть новую ветровку из магазина торгового центра, купленную на этот сезон. Можно было даже не гладить ее. Главное — новая. В новой ветровке человек всегда чувствует себя так, будто у него новая судьба, хотя на самом деле судьба остается старой, просто теперь у нее свежая ткань, молния, карманы и запах примерочной.

На улице компания сразу стала громче. Воздух был прохладный, и алкоголь в крови от этого не слабел, а будто становился благороднее, превращался из простого опьянения в дерзость. Они шли по улице, подкалывали друг друга, цеплялись словами, перебивали, смеялись, вспоминали кого-то, кого не было рядом, чтобы обсудить его особенно смело. Маленький рыцарь любил такое. В такие моменты ему казалось, что он идет не по обычной улице между панельными домами, гаражами, лужами и редкими фонарями, а по собственному королевству, где все спящие окна принадлежат тем, кто уже проиграл, а все ночное пространство — им, молодым, новым, еще не прирученным.

Такси. Клуб. Еще пива. Потом виски с колой, потому что после водки с лимоном нужно было обязательно добавить что-то другое, чтобы вечер не стоял на месте, а развивался, как будто у него есть сюжет. Музыка била в грудь, свет мигал, лица то появлялись, то исчезали в полутьме, и все вокруг казалось одновременно ярким и каким-то дешевым, как новогодняя гирлянда в подъезде. Маленький рыцарь стоял со стаканом в руке и наблюдал за тем, как молодые личинки будущих гусениц совершают коллективные хаотичные движения. Они называли это танцем, но ему казалось, что это больше похоже на ритуал, смысл которого никто не помнит, но все повторяют, потому что так делают остальные.

На танцполе женские особи двигались перед мужскими взглядами, выставя напоказ свою красоту, свою смелость, свою еще не до конца осознанную власть над вниманием, как витрина магазина выставляет товар под правильным светом. Приходите, смотрите, выбирайте, заслужите коктейлем, букетом, перепиской, несколькими свиданиями, терпением, наглостью или удачным совпадением. А вокруг них самцы крутились своими взглядами, плечами, смешками, жестами, проверяя, где откроется проход, где взгляд задержится на секунду дольше, где можно будет подойти, сказать что-то не очень умное, но достаточно уверенное, чтобы игра началась.

Маленькому рыцарю казалось, что все это похоже на аттракцион, где нужно попасть карандашом в бутылочное горлышко: поймать взгляд, попасть в интонацию, не выглядеть смешным, не получить отказ слишком публично, а если повезет — уплыть на гондоле любви за стены панельки, на скрипучую кровать, в чужую комнату, в чужое тело, а потом, если совсем не повезет, стать частью этого мира по полной программе. Свадьба, дети, кредиты, усталость, кухня, водка с лимоном, внуки, болезни, смерть.

Ну вот насколько же это глупо, послышался знакомый басистый голос справа от маленького рыцаря.

Он даже не сразу повернул голову, потому что уже где-то внутри знал, кто это. Дракон стоял рядом, словно появился из дыма, света и басов, хотя никто вокруг его не замечал. Он смотрел на танцпол с выражением существа, которое видело такие сцены тысячами и каждый раз удивлялось не тому, что люди повторяют одно и то же, а тому, что они каждый раз называют это свободой.

— Смотри, насколько это глупо, — сказал дракон. — Обретать свободу с помощью водки и лимона, новых джинсов, ветровки, виски с колой, громкой музыки и презрения ко всем спящим, чтобы потом все равно нырнуть в то же самое закрепощение, в эту правильность, в эту системность, в эти понятные сценарии. Сейчас им кажется, что они вырвались. Кажется, что они не такие, как те, кто сидит дома у телевизора. Но потом они устанут танцевать. Потом им станет скучно стоять в клубах. Потом они найдут себе пару, потому что так спокойнее. Потом их друзья тоже найдут себе пару, ипотеку, работу, диван, кухню, стиральную машинку, набор посуды, привычную усталость и свою бутылку на вечер. И у них уже будут свои квартиры с водкой и лимоном. И по итогу все пары будут сидеть отдельно друг от друга в своих квартирах с водкой и лимонами, иногда ходить друг к другу в гости, чтобы убедиться, что у остальных все так же. Да чего же это все глупо.

Маленький рыцарь поставил стакан с виски и колой на столик. Стакан тут же стал чужим, будто вместе с ним он оставил какую-то часть вечера, которая еще минуту назад казалась важной. Алкоголь все еще давал о себе знать. Тело немного не слушалось, движения были чуть мягче, чем нужно, пол под ногами не качался, но уже не внушал полного доверия. Зато внутренняя уверенность была запущена на все сто пятьдесят процентов. Та самая уверенность, от которой хочется говорить правду, даже если это не правда, а просто усталость, обида и спирт, смешанные в голове до состояния откровения.

Он вышел из клуба. На улице воздух ударил в лицо прохладой, и музыка осталась за дверью глухим сердцебиением чужого организма. Ночь была раннеосенняя, с мокрым асфальтом, фонарями, редкими машинами и тем особым ощущением маленьких городов, где после полуночи кажется, что весь мир состоит из нескольких освещенных пятен, а между ними темнота, в которой могут произойти драка, любовь, разговор с драконом или ничего.

Неподалеку одна стайка молодых котов спорила с другой. Вернее, они сражались в словесной дуэли, выясняя, почему один наступил другому на ногу, а потом еще столкнулся плечом. Причина была ничтожная, но в таких местах ничтожных причин не бывает, потому что любой наступ на ногу может оказаться наступом на достоинство, любой толчок плечом — проверкой статуса, любой взгляд — вызовом, который нельзя оставить без ответа, если рядом стоят свои. Молодые коты шипели, выгибали спины, ходили кругами, поднимали подбородки, повторяли одни и те же фразы, в которых смысла было меньше, чем угрозы. Неподалеку от спорящих котят стояли их кошечки и ждали окончания спора с выражением то ли тревоги, то ли скуки, то ли привычного интереса к тому, кто из самцов окажется громче, смелее, опаснее или глупее.

— И они тоже по итогу придут к одной на двоих водке с лимоном, — сказал дракон.

Маленький рыцарь посмотрел на спорящих котов и усмехнулся. Ему нравилась эта мысль своей жестокостью. В ней было что-то освобождающее: если все одинаково обречены, значит, можно никого не уважать.

— То есть ты хочешь сказать, — произнес он, чувствуя, как слова выходят чуть медленнее, чем мысли, — что даже те, кому мы завтра будем возить передачку на зоне, все равно по итогу женятся, рожают детей, получают внуков и умрут?

— Да, — сказал дракон. — Именно так. Вся ваша жизнь создана для того, чтобы самовоспроизводиться. Все, что вы придумываете по пути, — лишь иллюзия смысла. Дружба, влюбленность, честь, пацанские правила, работа, семья, статус, дорогая водка, новые джинсы, хорошие сигареты, клубы, драки, примирения, обещания, клятвы, обиды — все это декорации вокруг

одного и того же механизма. Человек рождается, чтобы из него появился следующий человек. Как только появляется следующий, смысл предыдущего начинает растворяться в смысле жизни нового. Поэтому вокруг вас все настроено на безопасность, опеку, продолжение, сохранение, передачу страха по наследству. Отсюда конфликты отцов и детей. Отсюда материнский инстинкт, родительская любовь, семейные ценности и прочие слова, которые звучат так красиво, потому что должны скрывать простую биологическую задачу.

Дракон говорил спокойно, почти лениво, но каждое его слово ложилось в маленького рыцаря тяжелым камнем. Было что-то страшно убедительное в этой холодной логике. Она не требовала веры, не просила надежды, не обещала спасения. Она просто снимала с мира кожу и показывала под ней мясо, мышцы, рефлексy, страхи, размножение и смерть. И после этого все человеческие слова действительно начинали выглядеть смешно нарисованными декорациями: любовь, честь, душа, мечта, предназначение. Как будто кто-то написал их мелом на стене бойни и попросил не обращать внимания на запах крови.

— Посмотри, что такое семья, если не врать себе, — продолжил дракон. — Это люди, сидящие за столом на кухне. Они пьют водку с лимоном вместе или по отдельности. Иногда ссорятся. Иногда мирятся. Иногда рожают детей, чтобы потом говорить им, как жить. Иногда называют это любовью, иногда долгом, иногда судьбой. Но если убрать слова, останутся тела, привычки, страх одиночества, страх смерти и желание, чтобы после тебя кто-то остался. Вот и все.

Маленький рыцарь молчал. Он вдруг вспомнил трех гусениц с человеческими головами в прокуренной квартире. Водку, закуску, грязную посуду, открытое окно, через которое дым не уходил. Тогда дракон говорил о бабочке, спрятанной внутри гусеницы, о превращении, о храбрости заглянуть в себя. А теперь тот же самый дракон говорил, что внутри человека нет ничего, кроме биологии и обмана. Маленький рыцарь не сразу заметил это противоречие. Алкоголь, ночь и собственная злость делали его невнимательным к таким вещам. Ему было проще слушать то, что совпадало с его презрением, чем то, что требовало надежды.

— Трезвый и первобытный взгляд, — сказал дракон, — сразу покажет тебе, что дыхание — это просто наполнение легких кислородом. Сердце — сжимающаяся и разжимающаяся мышца. Кровь — жидкость, разносящая микроэлементы по клеткам. Мозг — рефлексy, память, зеркальные нейроны, химия, привычки, страх боли и поиск удовольствия. Вы слишком много сочиняете вокруг простых процессов. Вам кажется, что если дать мясу красивое имя, оно перестанет быть мясом. Привычка очеловечивать.

Он повернул голову в сторону клуба. Из двери вышли двое, смеясь и держась друг за друга, потом еще трое, потом девочка, поправляющая помаду в отражении темного стекла. Внутри мигал свет, и на секунду маленькому рыцарю показалось, что весь клуб похож на огромную банку с личинками, которых встряхнули и оставили барахтаться в музыке.

— И если ты думаешь, что внутри вас есть души, — сказал дракон тише, — посмотри на них. На маленьких людей, удовлетворяющих свои платонические и телесные потребности через танец, еду, алкоголь, внимание, ревность, желание быть выбранными и страх оказаться лишними. Какая душа это создает? Разве душа способна спорить и кричать под водкой в три часа ночи из-за наступленной ноги? Разве душа будет так над собой издеваться? Разве душа будет продавать свою нежность за внимание, свою свободу за пару, свою молодость за сценарий, который уже миллионы раз проиграли до нее? Нет, маленький рыцарь. Душа — это сказка для биологически сознательных организмов. Сказка, оберегающая их от сути: они всего лишь мясо, которому страшно знать, что оно мясо.

Маленький рыцарь почувствовал, как внутри него что-то откликнулось. Не согласилось даже, а именно откликнулось, потому что в нем самом давно жила похожая мысль, только он не умел так красиво и страшно ее произносить. Ему часто казалось, что взрослый мир устроен слишком тупо, чтобы в нем могла быть высокая тайна. Люди едят, пьют, работают, ссорятся,

мирятся, рожают детей, покупают мебель, смотрят телевизор, обсуждают цены, болеют, стареют и умирают. А между этим придумывают себе важность, чтобы не сойти с ума от бессмысленности. И чем громче они говорят о любви, долге, семье, верности, тем сильнее хочется спросить: а где здесь полет? Где бабочка? Где то самое настоящее, ради чего стоило проходить через всю эту грязь, дым, школу, клуб, кухню, страх и человеческую глупость?

Но где-то очень глубоко, почти неслышно, в нем шевельнулось другое чувство. Слабое. Оно не спорило с драконом словами, потому что слов у него еще не было. Оно просто не хотело соглашаться до конца. Может быть, потому что утром, когда мама двигала посуду за стеной, в этом звуке было что-то большее, чем биология. Может быть, потому что в детстве его кто-то держал за руку не для продолжения рода и не для выполнения программы, а потому что иначе не мог. Может быть, потому что даже эти смешные девчонки с ресницами и губами, даже эти молодые коты, спорящие из-за ноги, даже парни в лонгсливах, пьющие дорогую водку с видом победителей, были не только мясом. В каждом из них было что-то неловкое, ранимое, неумело спрятанное. Что-то, что хотело быть увиденным, но боялось выглядеть слабым.

Дракон будто почувствовал это сомнение и усмехнулся.

— Не начинай жалеть их, — сказал он. — Жалость — это тоже способ не смотреть прямо.

Маленький рыцарь поднял на него глаза.

— А что тогда смотреть прямо? — спросил он.

Дракон посмотрел на улицу, на фонари, на молодых котов, на клуб, на мокрый асфальт, на окна панелек, за которыми кто-то уже спал, кто-то ругался, кто-то пил чай, кто-то смотрел телевизор, кто-то лежал рядом с человеком и чувствовал себя одиноким.

— Смотреть прямо — это видеть, что все повторяется, — сказал он. — И не обманываться красивыми словами.

Маленький рыцарь хотел ответить, но не нашел, чем. Он стоял на улице, пьяный, молодой, в новых джинсах, с сигаретами в кармане, между клубом и ночью, между шумом компании и голосом дракона, между презрением к миру и странной тоской по чему-то настоящему. Ему казалось, что он понял слишком много за один вечер, но, возможно, он просто устал, выпил и услышал от дракона ту часть правды, которая всегда звучит убедительнее всего, потому что ничего от тебя не требует. Если все мясо, если душа сказка, если семья кухня с водкой и лимоном, если любовь сценарий, если дети самовоспроизводство, если смерть финал, тогда можно не превращаться. Можно не искать бабочку. Можно не входить в темноту куколки. Можно просто смеяться, пить, презирать, выбирать дорогие сигареты и говорить себе, что ты видишь мир насквозь.

И в этом была главная опасность дракона.

Он не просто показывал маленькому рыцарю уродство мира. Он предлагал ему удобное объяснение, в котором не нужно было любить. Не нужно было рисковать. Не нужно было становиться уязвимым. Не нужно было верить, что внутри гусеницы спит бабочка, потому что гораздо проще сказать, что внутри гусеницы только органы.

Из клуба донесся новый взрыв музыки. Молодые коты наконец разошлись, так и не подравшись, но каждый ушел с лицом победителя. Их кошечки двинулись следом, поправляя куртки и волосы. Компания маленького рыцаря где-то кричала его имя, звала обратно, обещала еще пива, еще виски с колой, еще смеха, еще ночи, еще доказательств, что они не такие, как все.

Маленький рыцарь сделал шаг, потом остановился. Он не знал, куда хочет идти: обратно в клуб, за компанией, в шум и свет, или дальше по улице, туда, где фонари редют и можно остаться наедине с тем, что сказал дракон. Алкоголь в нем требовал продолжения, гордость требовала вернуться своим, тоска требовала уйти, а где-то внутри, почти неслышно, что-то легкое продолжало шевелиться, будто не соглашалось быть просто мясом.

— Ну что, маленький рыцарь, — сказал дракон, — идем смотреть правде в глаза?

Маленький рыцарь посмотрел на него и вдруг впервые за вечер подумал, что у дракона слишком уверенный голос для того, кто говорит о бессмысленности. Слишком много огня в глазах для существа, которое утверждает, что никакой души нет. И слишком сильное желание убедить его именно сейчас, пока он пьян, зол, молод и готов поверить во все, что делает его выше остальных.

Но эта мысль была еще слабой. Она едва успела появиться, как из дверей клуба снова вывалился смех, кто-то позвал его по имени, и ночь раскрылась перед ним, пахнувшая дымом, спиртом, духами, мокрым асфальтом и той свободой, которая так часто оказывается лишь красиво освещенным входом в новую клетку.

Маленький рыцарь затянулся сигаретой и пошел обратно к свету.

Часть 3

Уж лучше сидеть дома, думал маленький рыцарь. Не потому что дома было хорошо в каком-то светлом, правильном, семейном смысле, не потому что там его ждала тишина, чистота, чай в кружке и спокойный вечер человека, который умеет быть с собой. Просто дома, в его новой съемной квартире, наконец-то никто не задавал лишних вопросов. Никто не морщился от запаха дыма. Никто не смотрел на бутылки из-под пива так, будто это улика, по которой можно вынести приговор всей его жизни. Никто не считал окурки в пепельнице, не спрашивал, во сколько он пришел, не заставлял объяснять выражение лица, не входил без стука и не напоминал одним своим существованием, что он все еще чей-то сын, чей-то брат, чей-то человек внутри чужой семейной системы.

Он совсем недавно переехал в свою собственную съемную квартиру, и это было для него не просто желанием самостоятельности, а большой, острой, почти физической необходимостью. Ему нужно было быть подальше от семьи: от мамы, от брата, от сестры, от их голосов, привычек, взглядов, от их способа думать и жить, который почему-то не сочетался с его внутренним устройством. По крайней мере, ему так казалось. Ему казалось, что они существуют слишком близко к земле, слишком понятно, слишком бытово, слишком семейно, слишком внутри того самого сценария, который дракон недавно разложил перед ним на мокром ночном асфальте: кухня, стол, усталость, водка с лимоном, разговоры, телевизор, обиды, дети, снова кухня, снова стол. Маленький рыцарь не хотел быть в этой картине, даже если сам уже начал незаметно собирать у себя дома точно такой же натюрморт из бутылок, дыма, пакетов, грязных кружек и вечерней пустоты.

Но в его квартире это было другое. Так ему казалось. Там бутылки были не признаком поражения, а следами свободы. Дым был не запахом застоя, а признаком того, что можно делать что хочешь. Окурки были не грязью, а доказательством независимости. Никто не приходил с тряпкой, не читал морали, не открывал окна, не говорил: «Ты себя губишь». И в этом было странное удовольствие — не быть спасаемым. Не быть поправляемым. Не быть вписанным в чью-то заботу, которая слишком часто похожа на контроль, особенно если внутри тебя уже давно живет желание сбежать даже от тех, кто тебя любит.

Еще один важный момент, наверное самый весомый, заключался в том, что теперь ему не нужно было ходить куда-то, чтобы пить водку с лимоном или курить. Все могли приходиться к нему. Его квартира стала местом, куда стекались вечера, разговоры, дым, музыка, чужие куртки на стульях, чужие голоса в коридоре, чужие ботинки у входа, чужой смех на кухне. Можно было торчать у него на квартире во всех смыслах этого слова. Сидеть, пить, курить, молчать, смотреть фильмы, обсуждать людей, спорить, делать вид, что здесь происходит что-то важное, хотя чаще всего происходило просто медленное размазывание времени по стенам.

Утром он выезжал на работу. Вечером возвращался обратно. Это был простой маршрут, почти взрослая версия школьного расписания: туда, обратно, туда, обратно. Только вместо звонка теперь были будильник, дорога, работа, усталость, магазин, пакет в руке и короткое чувство облегчения, когда ключ наконец проворачивался в замке. По дороге он брал пиво и энергетик, потому что организм нужно было одновременно успокоить и взбодрить, усыпить и разогнать, пригладить и ударить током, чтобы вечер не провалился сразу в сон. Иногда уже кто-то ждал его возле подъезда или внутри, если ключи каким-то образом оказывались у своих. С пакетом и пакетиками, с сигаретами, с новостями, с желанием продолжить вчерашний разговор, который никто толком не помнил, но все были уверены, что он был важным.

Вечер. Дым. Выпивка. Фильм на фоне. Недоеденная еда. Открытое окно, через которое дым уходил неохотно, будто даже улица не хотела принимать обратно то, что накопилось внутри квартиры. Пепельница быстро становилась похожа на маленькое кладбище одинако-

вых желаний. Стол покрывался круглыми следами от банок и стаканов. На полу появлялись крошки, в раковине — посуда, на подоконнике — пустые бутылки, выстроенные в нестройный ряд, как солдаты армии, которая уже проиграла, но еще не знает об этом. Маленький рыцарь иногда смотрел на все это и думал, что теперь он свободен. Потом думал, что свободный человек, наверное, должен выглядеть как-то иначе. Потом снова открывал пиво, чтобы не додумывать.

Иногда маленький рыцарь оставался один. Это случалось не часто, но именно тогда квартира показывала свое настоящее лицо. Пока в ней были люди, дым, музыка, разговоры, чьи-то ноги на диване, чужие смешки, сообщения, звонки, шум воды в ванной, она казалась живой. Но стоило всем уйти, стоило закрыться двери, стоило последнему голосу раствориться в подъезде, и квартира становилась большой пустой раковиной, в которой еще долго звенело то, что только что называлось весельем. Сначала можно было включить фильм. Потом еще один. Потом доест что-то холодное из контейнера. Потом допить остатки. Потом поискать, не осталось ли чего-нибудь в холодильнике, в пакете, под столом, в кармане куртки. Потом становилось понятно, что закончилось все: фильмы, еда, выпивка, дым, люди, отговорки.

И вот тогда приходил дракон.

Он не появлялся эффектно. Не выламывал дверь, не бил хвостом по стенам, не дышал огнем в потолок. Он просто оказывался рядом, будто сидел там всегда, в темном углу кухни, где свет от окна не доставал до пола. Иногда маленькому рыцарю казалось, что дракон живет не в мире, а в паузах: между последним глотком и первым стыдом, между шумом компании и утренней тишиной, между желанием заснуть и невозможностью остаться одному с собственной головой. Сегодня был как раз такой момент, когда все стало пусто. Ничего не осталось. Ни пива, ни сил, ни смеха, ни смысла продолжать делать вид, что вечер еще можно спасти.

Маленький рыцарь сидел на диване, чуть согнувшись, положив локти на колени. В комнате пахло табаком, холодной едой, человеческим присутствием, которое уже ушло, и каким-то горьким осадком после всего, что было сказано и не сказано. За окном темнел город. Где-то внизу проехала машина, хлопнула дверь подъезда, кто-то рассмеялся на улице и сразу замолчал. В квартире было так тихо, что маленький рыцарь слышал, как работает холодильник. Этот звук почему-то всегда делал одиночество еще более бытовым, не высоким, не трагическим, а простым, квартирным, пластиковым, с лампочкой внутри.

Дракон посмотрел на него из полутьмы и сказал:

— Хочешь, я расскажу тебе сказку перед сном про фарфорового мальчика?

Маленький рыцарь поднял глаза. Вопрос был странный, почти детский, но в нем вдруг оказалось столько тепла, что ему стало больно. Слово «сказка» попало куда-то глубже, чем должны были попадать слова после такого вечера. В нем было что-то из детства, из той далекой, почти неправдоподобной жизни, где можно было лечь калачиком, почувствовать рядом мамино тело, ее руку, ее запах, ее дыхание и поверить, что мир еще не требует от тебя быть сильным, циничным, взрослым, смешным, опасным, успешным или свободным. Просто маленьким. Просто живым.

— Хочу, — ответил маленький рыцарь.

И в тот же миг он почувствовал тепло по всему телу, будто его действительно кто-то осторожно завернул в одеяло и прижал к себе. Не сильно, не душно, а так, как прижимают ребенка, который слишком много думал для своего возраста и слишком рано решил, что ему не нужна защита.

Дракон начал тихо, почти шепотом, но голос его быстро заполнил комнату так, что стены, бутылки, пепельница, темное окно и сам маленький рыцарь будто стали частью этой сказки.

— Было это десять веков назад, — начал дракон, и голос его стал ниже, будто вместе с ним в комнату вошел не вечер, а сырой каменный холод древнего замка. — Тогда еще леса были гуще, люди молились громче, мечи звенели чаще, а короли верили, что золото может удержат

от смерти. Я видел эту историю своими глазами, маленький рыцарь. Тогда я был моложе, чешуя моя была темнее, огонь горячее, а сердце еще не до конца привыкло к человеческой глупости.

В одном северном королевстве жил мальчик, которого все называли Фарфоровым. Не потому, что он был сделан из фарфора с рождения, нет. Родился он обычным ребенком: теплым, живым, смешливым, с глазами, в которых отражалось небо, и руками, которые тянулись ко всему настоящему. Но случилось так, что король, его отец, слишком рано решил сделать из него наследника, каким можно гордиться перед соседними землями. Мальчика учили ходить ровно, говорить мало, смотреть прямо, не плакать, не дрожать, не просить, не сомневаться. Если ему было больно, ему говорили: «Принцы не морщатся». Если ему было страшно, говорили: «Будущий король не боится». Если ему хотелось смеяться слишком громко, его одергивали. Если хотелось обнять кого-то слишком крепко, ему напоминали о достоинстве.

Так день за днем живого мальчика покрывали тонким слоем белой глазури. Сначала почти незаметно. Просто чуть меньше смеха, чуть меньше слез, чуть ровнее спина, чуть холоднее взгляд. Потом слой становился плотнее. Придворные восхищались им: «Какой прекрасный юноша! Какой собранный! Какой благородный! Как он держит лицо!» И никто не видел, что каждый их восторг ложился на него новой коркой, потому что хвалили не живого мальчика, а ту красивую твердость, в которую он превращался.

В замке был зал зеркал. Не простой зал, а древний, построенный еще до рождения его прадедов. Там стояли высокие серебряные зеркала, привезенные купцами из дальних стран. Фарфоровый мальчик часто приходил туда ночью, когда все спали, и смотрел на свое отражение. В зеркалах он видел того, кого любили все: прекрасного юношу с прямой спиной, светлым лицом, спокойными глазами и такой улыбкой, которой можно было успокоить целый народ. Он видел себя красивым, почти совершенным, и сердце его сжималось не от гордости, а от тоски. Потому что зеркало показывало не его, а оболочку, которая научилась стоять вместо него.

Стоило ему отойти от зеркала, как внутри становилось пусто. Не темно даже, а сухо. Будто все живое в нем сжалось в маленькую темную виноградину, забытую на солнце. Так внутри фарфоровой красоты поселился изюм — сморщенный, испуганный, живой остаток настоящего мальчика. Он сидел глубоко-глубоко, где-то под белой глазурью, и ждал, когда его снова позовут наружу. Но никто не звал. Все звали принца. Все звали наследника. Все звали будущего короля. А мальчика, который хотел просто быть живым, в замке давно уже никто не помнил.

Однажды в королевство приехал старый мастер. Он делал статуи для храмов, чаши для королевских пиров и тонкие фигурки святых, которые казались такими чистыми, будто никогда не знали ни боли, ни грязи, ни человеческого дыхания. Король приказал мастеру сделать статую сына во весь рост, чтобы поставить ее в главном зале и показать всем, каким должен быть идеальный наследник. Мастер долго смотрел на принца, а потом сказал королю:

— Я могу вылепить его лицо, государь. Могу повторить плечи, руки, походку и даже взгляд. Но я не уверен, что смогу вылепить человека.

Король рассердился, но мастер был стар и не боялся гнева. Он уже слишком много видел на своем веку: мертвых воинов, улыбающихся невест, гордых царей, плачущих матерей и людей, которые всю жизнь изображали силу, пока внутри них не оставалось ничего, кроме пыли.

В ту же ночь мастер встретил Фарфорового мальчика в зале зеркал. Принц стоял перед серебряным стеклом и смотрел на себя так, будто хотел спросить у отражения разрешения существовать.

— Ты красив, — сказал мастер.

— Все так говорят, — ответил мальчик.

— А ты жив?

Принц не смог ответить. Он хотел сказать «да», потому что сердце его билось, кровь текла, легкие дышали, тело двигалось, но почему-то слово застряло в горле. Мастер подошел ближе и тихо постучал костяшкой пальца по его груди. Раздался тонкий звон. Не глухой, человеческий, а хрупкий, пустой, фарфоровый.

— Вот видишь, — сказал мастер. — Ты стал вещью, которой любят. А вещами любят до тех пор, пока они не треснут.

— Что же мне делать? — спросил принц.

Старый мастер повел его не в сокровищницу, не в оружейную, не в часовню, а в самую дальнюю башню, где когда-то держали птиц. Там было холодно, пахло соломой, ветром и старым деревом. На полу лежали перья, а в стене было узкое окно, через которое видно было весь ночной лес. Мастер поставил перед принцем простую глиняную чашу с водой.

— Посмотри сюда, — сказал он.

Принц посмотрел и увидел не прекрасного наследника, не фарфоровое лицо, не блеск глазурь, а маленького мальчика, который когда-то смеялся без разрешения, плакал без стыда и хотел, чтобы его любили не за то, каким он станет, а за то, что он уже есть. Этот мальчик был не таким красивым. Он был испуганным, живым, неровным, мягким. И оттого в тысячу раз более настоящим.

— Это ты, — сказал мастер. — Не тот, кого показывают королю. Не тот, кого хвалят придворные. Не тот, кого отражают серебряные зеркала. А тот, кто еще не умер под глазурию.

Фарфоровый мальчик долго смотрел в воду. И вдруг из его глаз упала первая слеза. Она скатилась по щеке, и там, где прошла, белая глазурь дала тонкую трещину. Принц испугался и хотел стереть слезу, но мастер остановил его.

— Не трогай. Живое всегда сначала возвращается через трещины.

Тогда мальчик заплакал по-настоящему. Не громко, не жалобно, а глубоко, будто плакал не за этот вечер, а за все годы, когда ему запрещали быть собой. С каждой слезой фарфор трескался сильнее. Белая оболочка осыпалась с плеч, с рук, с лица. Где-то под ней проступала обычная человеческая кожа: теплая, уязвимая, неровная, способная краснеть от стыда, дрожать от страха, гореть от любви и покрываться мурашками от правды.

Утром король увидел сына без фарфорового блеска и пришел в ярость. Перед ним стоял не идеальный наследник, а живой юноша с усталым лицом, мокрыми глазами и трещинами на прежней красоте. Король сказал:

— Ты опозорил меня. Ты был совершенен.

А сын ответил:

— Нет, отец. Я был удобен для твоей гордости.

В замке стало тихо. Придворные отвернулись. Кто-то испугался. Кто-то подумал, что принц сошел с ума. Но старый мастер улыбнулся, потому что знал: когда фарфор впервые признает, что он фарфор, человек уже начинает возвращаться.

Прошло много лет. Фарфоровый мальчик не стал самым красивым королем. Он не был безупречен, не всегда говорил правильно, иногда сомневался, иногда ошибался, иногда плакал, когда никто не видел. Но люди постепенно начали любить его иначе. Не как статую, перед которой нужно молчать, а как человека, рядом с которым можно дышать. Он не требовал от своих детей быть гладкими и твердыми. Если сын боялся, он садился рядом. Если дочь плакала, он не стыдил ее слез. Если кто-то из придворных слишком старательно держал лицо, король смотрел на него внимательно и говорил:

— Осторожнее. Так начинается фарфор.

И с тех пор в том королевстве появилась старая поговорка: «Береги не лицо от трещин, а сердце от глазури».

Дракон замолчал.

Маленький рыцарь лежал на диване, почти не двигаясь. Сказка текла через него медленно, как теплая вода, но в этой воде попадались острые камни. Он слушал про фарфорового мальчика и понимал, что сказки дракона никогда не бывают просто сказками. В них всегда кто-то другой носит твоё лицо. То гусеницы с человеческими головами спят на чужой кухне, но почему-то страшно становится за себя. То молодые личинки танцуют в клубе, но вдруг понимаешь, что сам стоишь рядом с ними. То фарфоровый мальчик смотрит в витрины города, а у тебя самого внутри что-то звенит, трескается и съезживается в темный маленький изюм.

Ему хотелось спросить дракона, кем был этот мальчик на самом деле. Был ли он человеком, который слишком боялся жить, или человеком, который слишком много раз пытался и разбивался. Был ли фарфор его защитой или наказанием. Можно ли снова стать живым, если слишком долго блестел вместо того, чтобы чувствовать. Можно ли вытащить изюм из темноты, размочить его слезами, дыханием, любовью, работой, временем, и вернуть ему прежнюю мягкость. Но слова уже не собирались. Сон подходил близко, тяжелый, липкий, но почему-то не злой. В нем было то самое тепло, которое маленький рыцарь почувствовал в начале сказки, будто где-то очень далеко мама все еще держала его калачиком, хотя на самом деле в квартире был только диван, холодный стол, пустые бутылки, темное окно и дракон.

— Спи, — сказал дракон тихо. — Завтра снова надо будет выбирать маршрут.

Маленький рыцарь хотел ответить, что маршрута у него нет. Хотел сказать, что бак на четверть, пассажирское пустое, стекла затонированы, а он не уверен, что умеет водить трезво. Хотел спросить, зачем дракон то говорит о бабочке внутри гусеницы, то о мясе без души, то рассказывает сказку, от которой почему-то хочется жить. Но он уже не смог. Слова расплылись. Мысли провалились. Тело наконец отпустило день.

Маленький рыцарь с трудом дослушал сказку и заснул.

А дракон еще долго сидел рядом в темноте и смотрел на него так, будто охранял не человека на диване, а маленький красный огонек где-то под его фарфоровой кожей, который все еще не погас.

Королевство обезьян и павлинов

Маленький рыцарь заснул ближе к утру, когда за окном уже начинало сереть, но эта серость еще не была светом, а скорее усталостью ночи, ее последним выдохом перед тем, как город снова притворится бодрым, нужным и осмысленным. Квартира дышала запахом пустых бутылок, табака, остывшей еды и чужих голосов, которые ушли вместе с людьми, но почему-то не исчезли до конца, а остались висеть в углах, в складках дивана, в липких кругах на столе, в пепельнице, похожей на маленькое кладбище одинаковых желаний. Маленький рыцарь лежал на диване с телефоном в руке, будто еще собирался кому-то ответить, что-то проверить, куда-то успеть, но экран уже погас, и в темном стекле на мгновение отразилось его лицо: молодое, помятое, уставшее и уже слишком привыкшее делать вид, что все понимает.

Сон пришел не сразу. Сначала были обычные квартирные звуки: холодильник шелкал где-то в кухонной темноте, в батарее шевелилась вода, за стеной кто-то кашлянул, потом долго молчал, потом снова кашлянул, будто напоминая, что даже чужая жизнь рядом происходит через стену и все равно остается недоступной. Но постепенно эти звуки начали складываться в другую систему. Щелчок холодильника превратился в сухой клик презентационного пульта. Гул батареи стал ровным офисным шумом кондиционеров, серверов, кофе-машин и человеческой усталости, спрятанной за словом «процесс». Кашель за стеной стал нервным покашливанием перед важной встречей, когда все уже сидят за столом, но еще никто не решился начать. И вот маленький рыцарь уже не лежал на диване в своей съемной квартире, а сидел в большой стеклянной переговорной, где все было слишком чистым, слишком прозрачным и слишком уверенным в собственной логике.

Перед ним стоял ноутбук. Рядом лежали телефон, блокнот, ручка, стакан с остывающим кофе и стопка распечаток с таблицами, графиками, стрелками и словами, которые во сне он понимал так естественно, будто всю жизнь говорил на этом языке. На экране была открыта презентация с названием: «Королевство обезьян и павлинов. Стратегия управления вниманием». Он не удивился этому названию. Во сне вообще редко удивляешься самому странному. Он просто знал, что он проджект-менеджер в рекламном агентстве, знал, что у него через десять минут встреча, знал, что клиент ждет цифры, команда ждет от него решения, а проект, как всегда, находится в том странном состоянии, когда все уже почти готово, но именно это «почти» может сожрать несколько дней, ночей и человеческих нервов. Он знал, что такое KPI, охват, конверсия, CTR, LTV, воронка, стоимость лида и глубина просмотра.

Знал, как люди превращаются в сегменты, сегменты — в аудитории, аудитории — в цифры, цифры — в выводы, выводы — в решения, решения — в кампании, а кампании — обратно в человеческие желания, только уже обработанные, подсвеченные, упакованные и отправленные в мир как будто не для управления, а для помощи человеку сделать правильный выбор.

Это знание было странно спокойным. Даже приятным. После всех прежних хаотичных вечеров, кухонь, подъездов, клубов, драконьих разговоров и мыслей о том, что внутри человека, может быть, нет ничего, кроме мяса, здесь впервые появлялся порядок. В этом стеклянном мире все можно было назвать, разложить, измерить, назначить ответственным, поставить дедлайн и отследить динамику. Здесь страх быть незамеченным превращался в метрику вовлеченности, желание понравиться — в показатель удержания, одиночество — в потребность сообщества, тщеславие — в премиальное позиционирование, а человеческая растерянность перед жизнью — в коммуникационную стратегию бренда.

За стеклом двигались сотрудники агентства, но чем дольше маленький рыцарь смотрел на них, тем яснее понимал, что это были не совсем люди. По коридорам быстро сновали обезьяны — дерганные, живые, нервные, с ноутбуками под мышкой, с кофе в лапах, с наушниками

в ушах и глазами, которые мгновенно вспыхивали от всего яркого, громкого, нового, дешевого, срочного, бесплатного и обещающего хоть какой-то быстрый дофамин. Стоило кому-то сказать «скидка», «розыгрыш», «ограниченное предложение», «успей», «бесплатно», «мем», «вирусный формат», как обезьяны оживлялись, хлопали ладонями по столу, перебивали друг друга, тянулись к экрану, будто там появлялся блестящий фрукт, который можно схватить прямо сейчас. Их можно было считать.

Их клики ложились в графики, их просмотры становились столбцами, их реакции собирались в тепловые карты, их нетерпение прекрасно укладывалось в формулы, если подобрать правильный цвет кнопки, длину ролика, размер скидки и нужное слово в заголовке.

Павлины были другими. Они не бегали и не хватали сразу. Они входили медленно, красиво, с выражением лиц, на которых было написано, что они слишком тонко устроены для обычных фантиков. Они говорили о смыслах, идентичности, стиле, наследии, личном бренде, премиальности, культуре, комьюнити, внутреннем коде и «не для всех». Они могли презрительно поморщиться от слова «скидка», но стоило сказать им «лимитированная коллекция», «закрытое сообщество», «выбор людей с определенным вкусом», «не массовый продукт, а высказывание», и их хвосты расправлялись так же предсказуемо, как лапы обезьян тянулись к яркому фантику. Павлины тоже считались. Их вовлеченность можно было измерить глубиной просмотра, временем на странице, повторными касаниями, индексом лояльности, количеством сохранений, желанием поделиться, чтобы другие увидели не продукт, а их самих рядом с этим продуктом. Они искали не выгоду. Они искали отражение.

И если обезьяне нужно было дать фрукт, то павлину нужно было дать зеркало, в котором он увидит себя чуть более редким, чем он есть на самом деле.

Маленький рыцарь смотрел на это королевство и вдруг понял: реклама была не просто профессией, не просто набором баннеров, роликов, слоганов, презентаций и бесконечных правок от людей, которые сами не знают, чего хотят, но точно знают, что сейчас «не попали». Реклама была самым точным индикатором человеческой природы. Она показывала не то, что люди говорят о себе, а то, на что они реагируют до того, как успевают придумать объяснение. Она не создавала слабость, она только находила ее и подсвечивала правильным светом. Если человек боялся быть бедным, ему показывали выгоду. Если боялся быть обычным, ему показывали уникальность. Если боялся выпасть из стаи, ему говорили, что все уже там. Если боялся раствориться среди всех, ему говорили, что это не для всех. Если человек хотел любви, ему продавали образ человека, которого невозможно не выбрать. Если хотел свободы, ему продавали новую форму зависимости, но с красивым названием.

И все это считалось. Сколько увидели. Сколько кликнули. Сколько купили. Сколько вернулись. Сколько стоило внимание. Сколько стоило желание. Сколько стоило заставить обезьяну потянуться к фантику и павлина расправить хвост перед зеркалом. Совы строили модели, крысы считали бюджеты, лисы оптимизировали процессы, павлины придумывали смыслы, обезьяны проверяли, цепляет ли картинка с первой секунды, и в этой огромной стеклянной машине все сходилось с почти пугающей красотой. Цифры были точными. Цифры были убедительными. Цифры казались правдой. И маленькому рыцарю нравилось, что в мире, который раньше расползлся у него в руках грязными кухнями, запахом алкоголя, человеческой глупостью, стыдом, клубным дымом и драконьими сомнениями, наконец появился язык, на котором можно доказать почти все.

Но только почти.

Потому что чем дольше он смотрел на таблицы, тем сильнее чувствовал тонкую трещину внутри этого блестящего порядка. Все можно было посчитать до одного момента. До причины. Можно было узнать, сколько обезьян потянется к фантику, но нельзя было до конца понять, почему их рука вообще ищет этот фантик. Можно было измерить, сколько павлинов задержит взгляд на зеркале, но нельзя было высчитать, откуда в них берется эта тоска быть уви-

денными особенными. Можно было предсказать поведение, но нельзя было поймать источник импульса. Можно было зафиксировать выбор, но не то темное, теплое, стыдное или одинокое место внутри человека, из которого этот выбор вдруг возникает. Можно было сказать: эта кнопка работает лучше. Но нельзя было честно сказать, что именно в человеке нажимает на кнопку раньше его пальца.

В переговорную вошел лев-клиент. Он был огромный, в дорогом костюме, с гривой, уложенной так аккуратно, будто над ней работал отдельный отдел бренд-стратегии. За ним вошли две лани из маркетинга, тревожные, внимательные, с блокнотами, готовые записывать каждое его недовольство так, будто это не каприз, а заповедь. Лисы-аккаунты улыбались мягко и опасно, совы открывали отчеты, крысы шевелили усами над сметами, павлины расправляли плечи, обезьяны ерзали, ожидая, когда можно будет показать «тот самый вау-вариант». Все заняли свои места. Все были готовы считать, доказывать, объяснять, защищать, продавать и делать вид, что в этой комнате происходит не обычная торговля человеческим вниманием, а важный акт создания смысла.

— Покажите цифры, — сказал лев.

Маленький рыцарь включил презентацию. Графики росли, конверсии увеличивались, стоимость лида снижалась, вовлеченность была выше прогнозной, аудитория реагировала лучше, чем ожидали, гипотезы подтверждались, тесты сходились, показатели выглядели так, что даже крысы перестали нервно считать убытки и начали довольно улыбаться своими маленькими бухгалтерскими улыбками. Все было почти идеально. Лев кивал, лани записывали, совы тихо переглядывались, павлины уже готовили формулировки о глубоком попадании в потребность аудитории, обезьяны радовались тому, что их яркий вариант действительно сработал.

— Отлично, — сказал лев. — Значит, мы понимаем аудиторию.

И именно в этот момент маленький рыцарь вдруг понял, что это ложь.

Не грубая ложь, не намеренная, не такая, за которую надо сразу хвататься за меч и бить по столу. Это была более опасная ложь — удобная, профессиональная, принятая всеми за норму. Они действительно знали, сколько людей увидело, кликнуло, купило, вернулось, дочитало, досмотрело, сохранило, поделилось. Они действительно понимали, какой цвет сработал лучше, какое слово увеличило конверсию, какой образ удержал взгляд, какой оффер ускорил решение. Но понимали ли они людей? Или только их следы? Не саму живую причину, а отпечатки лап на влажной земле после того, как зверь уже пробежал?

Маленький рыцарь остановился. Пульт в его руке стал тяжелее, чем должен был быть. В комнате почувствовали эту паузу, и пауза сразу стала опасной, потому что рекламные люди любят паузы только тогда, когда сами их ставят для эффекта, а не когда из-под презентации начинается что-то настоящее.

— Мы не понимаем аудиторию, — сказал он.

Лев поднял глаза.

— В каком смысле?

— Мы умеем считать аудиторию, — продолжил маленький рыцарь. — Мы знаем, сколько людей нажмет кнопку. Мы знаем, какой цвет работает лучше. Мы знаем, какое слово увеличит конверсию. Мы знаем, как сделать так, чтобы обезьяна потянулась к фантику, а павлин увидел в продукте свое отражение. Но мы не знаем, почему человек вообще хочет нажать. Почему ему нужен фантик. Почему ему нужно зеркало. Почему он боится не успеть. Почему он боится быть обычным. Почему ему так важно, чтобы кто-то подтвердил его существование через покупку, лайк, выбор, статус или принадлежность.

В комнате стало тихо. Даже обезьяны перестали ерзать. Совы нахмурились, потому что их модели не любили слов «почему», если на них нельзя было построить корректную формулу. Крысы перестали считать. Павлины напряглись, потому что разговор о причинах всегда опасен для тех, кто привык жить внутри красивых объяснений. Лев смотрел на маленького рыцаря с

тем выражением, с каким короли смотрят на шутов, если вдруг понимают, что шут перестал шутить.

— Мы можем предсказать желание, — сказал маленький рыцарь. — Можем усилить его. Можем направить. Можем измерить последствия. Но не источник. Мы продаем не продукт, а реакцию. Только реакция — это уже след. Причина глубже. И она не считается.

Он посмотрел на экран, где все еще сияли красивые цифры. Они никуда не делись. Не стали неправильными. Не рухнули. В этом и было самое странное. Цифры остались точными, но вдруг перестали быть полными. Как будто кто-то зажег свет в комнате, где все стояло на своих местах, и стало видно, что за шкафом есть дверь, которую никто раньше не хотел замечать.

С этого момента сон начал трескаться, хотя внешне все продолжалось. Маленький рыцарь работал, вел проекты, управлял вниманием, спорил с клиентами, успокаивал команду, разруливал дедлайны, собирал статусы, защищал идеи, запускал кампании. Его проекты приносили результат. Показатели росли. Клиенты были довольны. Команда начинала смотреть на него не просто как на человека, который держит процессы, а как на того, кто чувствует людей. Ему стали доверять больше. Его стали слушать внимательнее. Его стали звать туда, где нужно было не просто выполнить задачу, а понять, куда повернуть чужое желание, чтобы оно само пошло нужной дорогой.

Он становился успешным, причем не заметил, в какой именно день это произошло. Успех не пришел с фанфарами, не вошел в комнату в золотой короне и не сказал: «Теперь ты другой». Он просочился тихо. Сначала ему чаще писали. Потом стали ждать его мнения. Потом его начали представлять клиентам с особой интонацией. Потом его опоздания стали воспринимать как занятость, усталость — как признак важности, резкость — как точность, а молчание — как глубину. Потом он сам начал ловить свое отражение в стеклянных стенах агентства и видеть там не мальчика с дивана, не человека из прокуренной квартиры, не пьяного юношу у клуба, не того, кто спорил с драконом о душе и мясе, а собранного, взрослого, эффективного человека, которому верят, потому что он умеет превращать чужие желания в понятные решения.

Но вместе с успехом росло и другое. Сомнение. Каждый раз, когда он видел красивый график, он думал: это след, не причина. Каждый раз, когда продажи росли, он понимал: мы усилили желание, но не создали его. Каждый раз, когда клиент говорил «отлично», команда писала «ты красавчик», а внутри у него быстро и приятно становилось тепло, он ловил это тепло и понимал: вот она, моя собственная метрика, которую нельзя посчитать до конца. Можно посчитать, сколько раз его похвалили. Можно увидеть, как это повлияло на его мотивацию, скорость, уверенность, желание взять еще один проект. Но нельзя измерить, почему ему так нужно это признание. Почему одно короткое сообщение может на несколько секунд собрать его лучше, чем сон, еда, тишина или честный разговор с самим собой.

Однажды вечером он остался один в переговорной. За стеклом темнел город, рабочие места постепенно гасли, обезьяны расходились, павлины уносили свои ноутбуки и отражения, лисы дописывали последние письма, совы закрывали отчеты, крысы сверяли бюджеты. На экране все еще были цифры. В стекле — его отражение. Он стоял перед ним и смотрел на себя так внимательно, будто ждал, что сейчас из темной поверхности выйдет тот самый фарфоровый мальчик из драконьей сказки и спросит, когда он наконец перестанет притворяться.

— Нравится? — спросил знакомый голос из угла.

Маленький рыцарь не вздрогнул. Дракон сидел в кресле у стены, темный, спокойный, будто он всегда был частью этого агентства, просто до этого прятался между слайдами, письмами, таблицами и чужими правками.

— Да, — ответил маленький рыцарь после паузы. — Все работает.

— Конечно работает, — сказал дракон. — Ты научился считать людей.

— Я не понимаю их, — тихо сказал маленький рыцарь.

Дракон улыбнулся не насмешливо, а почти довольным, как учитель, который дождался от ученика не правильного ответа, а правильного сомнения.

— Потому что человек — это не сумма показателей. Ты можешь посчитать, сколько раз он улыбнулся, но не почему именно в этот момент улыбка спасла его от пустоты. Ты можешь посчитать, сколько он купил, но не какую дырку в себе он пытался закрыть этой покупкой. Ты можешь измерить поведение, но не одиночество, из которого оно выросло. Ты можешь предсказать движение руки, но не всю тьму и надежду, которые подняли эту руку к кнопке.

Маленький рыцарь смотрел на свое отражение. Он был успешным. Точным. Эффективным. Человеком, который знает, как устроены обезьяны и павлины. И именно поэтому ему стало страшно, когда он увидел в себе их обоих. В нем была обезьяна, которая хотела фантик признания, быстрый дофамин от похвалы, сообщение с огоньком, одобрительный взгляд, рост цифр, ощущение победы. В нем был павлин, который хотел быть особенным, не таким как все, тонко чувствующим, талантливым, человеком, который «понимает глубже». Обезьяна внутри него тянулась к успеху как к блестящему фрукту. Павлин расправлял хвост перед каждым отражением, где он выглядел нужным, сильным, умным и выбранным.

И это нельзя было посчитать.

Стеклянное королевство дрогнуло. Цифры на экране начали расплываться, графики теряли форму, формулы переставали сходиться, не потому что были неверными, а потому что в них не хватало главного. Причины. Той самой живой причины, которая не помещается в ячейку таблицы, не становится строкой отчета, не поддается оптимизации и не хочет называться «потребительским инсайтом», потому что она старше рекламы, старше денег, старше слов «бренд» и «аудитория». Это была человеческая причина: желание быть увиденным, страх исчезнуть, голод по теплу, стыд за собственную обычность, тоска по смыслу, который нельзя купить, но можно очень долго покупать его заменители.

— Запомни, маленький рыцарь, — сказал дракон. — В мире, где все хотят считать, человек рано или поздно начинает верить, что посчитанное и есть настоящее. Но самое важное всегда остается за пределами расчета. Не потому что оно мистическое и красивое, а потому что оно живое. Живое можно заметить, ранить, обмануть, согреть, потерять, но его нельзя до конца превратить в показатель.

Королевство начало распадаться не как рушатся здания, а как распадается сон, который слишком близко подошел к правде. Стеклянные башни становились похожи на бутылки на подоконнике. Баннеры — на обрывки старых обоев. Огромные экраны — на черное стекло телефона. Обезьяны превращались в быстрые мысли, тянущиеся к удовольствию. Павлины — в отражения, которые человек ловит в окнах, чтобы убедиться, что он еще существует. Лев-клиент стал похож на уведомление. Совы — на бессонные ночные расчеты. Крысы — на тревогу о деньгах. Дракон отступал в темноту, а маленький рыцарь пытался удержать хотя бы одну цифру, один график, один смысл, но все текло сквозь пальцы.

Он проснулся от звука телефона.

Утро уже было настоящим. Квартира вернулась на свое место, но уже была другой. Это была совсем другая квартира. Все было привычно, но после сна казалось декорацией, которую кто-то поставил слишком близко к правде. Телефон снова мигнул. Маленький рыцарь взял его и увидел сообщение по работе:

«Клиент согласовал бюджет. Работаем. Ты красавчик».

Он смотрел на эти слова несколько секунд. Тепло разлилось внутри быстро, точно, предсказуемо. Где-то в нем маленькая обезьяна уже схватила фантик признания и радостно прижала к груди. Где-то рядом павлин расправил хвост, потому что это сообщение было не просто рабочей похвалой, а маленьким доказательством его особенности. Маленький рыцарь хотел усмехнуться над собой, но вместо этого увидел в черном стекле телефона свое отражение:

уставшее лицо, помятые волосы, глаза человека, который еще не до конца вернулся из сна, и едва заметную улыбку.

Он не сразу понял, кто улыбнулся первым.

Он сам.

Обезьяна внутри него.

Или павлин.

Но впервые за долгое время эта неопределенность не испугала его сразу. Он просто лежал, смотрел на телефон и думал, что, может быть, настоящая власть начинается не тогда, когда ты научился управлять чужими желаниями, а тогда, когда заметил свои собственные. И что в мире, где можно посчитать почти все, самое важное всегда будет начинаться там, где цифры наконец заканчиваются.

И в тот самый момент, когда он уже почти решил, что сон закончился и вместе с ним закончилась вся эта странная история про управление чужими желаниями, из-за его спины раздался женский голос. Тихий, знакомый, слишком близкий, чтобы быть случайным, и следом за ним — тонкий младенческий плач, от которого внутри у маленького рыцаря все сжалось так резко, будто кто-то не просто позвал его, а вытащил из сна за живое сердце. Он медленно обернулся и увидел женщину с ребенком на руках. Жену. Дочь. Он знал их. Точно знал. Узнал бы из тысячи лиц, из любого другого сна, из любой другой жизни. Но ужас был в том, что он не понимал, почему они здесь есть. Почему они в его квартире так естественно, будто всегда были частью этого утра, частью его маршрута, его успеха, его клетки, его будущего.

Базар тщеславия

Часть 1

Маленький рыцарь понял, что реальность поменялась, но понял это не сразу, не в момент какого-то большого события, не под фанфары, не под гром небес, не под драконий смех из темного угла, а как-то буднично, почти случайно, стоя утром на кухне с чашкой кофе в руке. Он сам не заметил, как уже жил в городе. Не заметил, как из съемной квартиры, пропитанной дымом, пустыми бутылками, чужими голосами и вечерним самообманом, перебрался в другую жизнь, где у вещей появились свои места, у дней — расписание, у будущего — какие-то вполне человеческие очертания. Он не заметил, как у него появилась семья. Как рядом с ним оказалась женщина, которую он называл женой не во сне, не в испуге, а в самой обычной реальности, где утром нужно покупать хлеб, вечером выносить мусор, по дороге домой брать подгузники, а ночью иногда вставать на детский плач.

Он не заметил, как у него появилась целая дочь, новый маленький человек, который еще не знал ни его прежней тьмы, ни дракона, ни гусениц, ни квартир-притонов, ни клубов, ни всей этой грязной и странной дороги, по которой он шел, будто искал свободу, а на самом деле часто просто менял одну клетку на другую.

Он пил кофе стоя, облокотившись спиной о кухонный гарнитур, и смотрел, как дочь играет на полу с крупами. Гречка, пшеника, рис были рассыпаны перед ней маленькими разноцветными островами, и она, серьезная, сосредоточенная, почти как ученый в собственной лаборатории, перебирала их пальцами, пересыпала из одной кастрюли в другую, стучала ложкой по крышке, иногда поднимала на него глаза и улыбалась так внезапно и так без всякой причины, что у маленького рыцаря внутри все становилось мягким. Не слабым, не жалким, не детским, а именно мягким, будто какая-то часть его, много лет высушенная в изюм и спрятанная глубоко под фарфоровой кожей, вдруг начинала набухать от теплой воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.